

Ivane Javakhishvili Tbilisi State University
Faculty of Humanities
Institute of Caucasiology

CAUCASIOLOGIC PAPERS

Тбилисский государственный университет
им. Иванэ Джавахишвили
Факультет гуманитарных наук
Институт кавказоведения

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ

Tbilisi 2009 Тбилиси

ივანე ჯავახიშვილის სახელობის თბილისის სახელმწიფო
უნივერსიტეტი
ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა ფაკულტეტი
კავკასიოლოგიის ინსტიტუტი

კავკასიოლოგიური ძიებანი

თბილისი

2009

სამეცნიერო ჟურნალი „კავკასიოლოგიური ძიებანი“ ემყარება კავკასიური იდეის კონცეპტუალურ საფუძვლებს. კავკასიის რეგიონალიზაციის პრინციპებს აყალიბებს საერთო გეოგრაფიულ სივრცეში თანაცხოვრების ტრადიციული და თანამედროვე კულტურა, კავკასიელი ხალხების ლინგვისტური, ეთნოგენეტიკური, კულტურული ნათესაობა და საერთო ისტორიული წარსული.

მოპოვებული მიღწევებისა და თანამედროვე კვლევების კვადრატულ ჟურნალი აერთიანებს კავკასიოლოგიის პრობლემათა შემსწავლელ ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა დარგებს და, შესაბამისად, განსაზღვრავს კავკასიელი ხალხების სოციოკულტურული ერთობის როლსა და ადგილს მსოფლიო კულტურათა დიალოგის კონტექსტში.

A scientific journal "Caucasiologic papers" is based on the conceptual basis of the Caucasian idea. The principles of the Caucasian regionalization is formed by the traditional and modern culture of co-inhabitation in common geographic areal, linguistic, ethnogenetic, cultural relation of the Caucasian peoples and common historical past.

Along with the gained achievements and the modern researches, the journal unites the branches of humanities studying the Caucasiologic problems and defines the role and place of the socio-cultural unity of the Caucasian peoples in the dialogue context of the world cultures.

Научный журнал "Кавказоведческие разыскания" опирается на концептуальную основу кавказской идеи. Принципы регионализации Кавказа формируют единая, имеющаяся в общем географическом пространстве, традиционная и современная культура совместного проживания, лингвистическое, этногенетическое, культурное родство и общее историческое прошлое кавказских народов.

Опираясь на уже имеющиеся и современные научные достижения, журнал объединяет области гуманитарных наук, изучающих проблемы кавказоведения, и, соответственно, определяет роль и место социокультурной общности кавказских народов в контексте диалога мировых культур.

© ივ. ჯავახიშვილის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტი

USBN

მთავარი რედაქტორი

ც. ბარამიძე (თბილისი)

სარედაქციო კოლეგია

რ. აბაშია (სწავლული მდივანი, თბილისი), ი. აბდულაევი (მაჰაჩყალა), მ. ალექსეევი (მოსკოვი), ტ. ახუნდოვი (ბაქო), ბ. ბერსიროვი (მაიკოპი), ბ. ბლაჟნოკოვი (ნალჩიკი), ლ. ვარდანიანი (ერევანი), ჯ. კვიციანი (რედ. მოადგილე, თბილისი), ი. კოჯიმა (ტოკიო), მ. ი. მაჰომედოვი (მაჰაჩყალა), მ. როზინი (დონის როსტოვი), მ. ფუტურიძე (რედ. მოადგილე, თბილისი), ვ. შენგელია (თბილისი), ა. ჰარისი (ნეშვილი)

სარედაქციო საბჭო

ა. აბრეგოვი (მაიკოპი)
ლ. აზმაიფარაშვილი (თბილისი)
ი. ბრაუნი (ვარშავა)
თ. გამყრელიძე (თბილისი)
თ. გვანცველაძე (თბილისი)
ნ. გიშევი (მაიკოპი)
რ. გორდეზიანი (თბილისი)
კ. ვამლინგი (ლუნდი)
ს. ზედელაშვილი (თბილისი)
ხ. თაოვი (ნალჩიკი)
ა. კაზიევა (პიატიგორსკი)
გ. კვარაცხელია (თბილისი)
მ. ლორთქიფანიძე (თბილისი)
ზ. მალაევა (მაჰაჩყალა)
ნ. მაჭავარიანი (თბილისი)
ლ. მინაშვილი (თბილისი)
ს. პატიევი (ნაზრანი)

ნ. რუხაძე (თბილისი)
ლ. სანიკიძე (თბილისი)
თ. უჯუხუ (თბილისი)
რ. ფარეულიძე (თბილისი)
დ. ფორკერი (ლაიფციგი)
ქ. ქუთათელაძე (თბილისი)
ნ. ქუთელია (თბილისი)
მ. ქურდიანი (თბილისი)
ე. ქურთიშვილი (თბილისი)
მ. ჩუხუა (თბილისი)
ლ. ჭკადუა (სოხუმი)
ა. ხალიდოვი (გროზნი)
მ. ხაჩეშიზოვა (მაიკოპი)
შ. ჯამბეკოვი (გროზნი)
რ. ჯანაშია (თბილისი)
ო. ჯაფარიძე (თბილისი)

Editor in Chief

Ts. Baramidze (Tbilisi)

Editorial Staff

R. Abashia (Scientific Secretary, Tbilisi), I. Abdullaev (Makhachkala), T. Akhundov (Baku), M. Alekseev (Moscow), B. Bersirov (Maykop), B. Bgazhnokov (Nalchik), A. Harris (Neshvill), I. Kojima (Tokyo), J. Kvitsiani (Associate Editor, Tbilisi), M. Magomedov (Makhachkala), M. Puturidze (Associate Editor, Tbilisi), M. Rozin (Rostov-on-Don), V. Shengelia (Tbilisi), L. Vardanyan (Erevan)

Editorial Board

A. Abregov (Maykop)
L. Azmaiparashvili (Tbilisi)
I. Braun (Warsaw)
L. Chkadua (Sokhumi)
M. Chukhua (Tbilisi)
D. Forker (Leipzig)
Th. Gamkrelidze (Tbilisi)
N. Gishev (Maykop)
R. Gordeziani (Tbilisi)
T. Gvantseladze (Tbilisi)
Sh. Jambekov (Grozny)
R. Janashia (Tbilisi)
O. Japaridze (Tbilisi)
A. Kazieva (Pyatigorsk)
M. Khachemizova (Maykop)
A. Khalidov (Grozny)
M. Kurdiani (Tbilisi)
E. Kurtishvili (Tbilisi)
K. Kutateladze (Tbilisi)
N. Kutelia (Tbilisi)
G. Kvaratskhelia (Tbilisi)
M. Lordkipanidze (Tbilisi)
N. Machavariani (Tbilisi)
Z. Mallaeva (Makhackala)
L. Minashvili (Tbilisi)
R. Pareulidze (Tbilisi)
S. Patiev (Nazran)
N. Rukhadze (Tbilisi)
L. Sanikidze (Tbilisi)
Kh. Taov (Nalchik)
T. Ujukhu (Tbilisi)
K. Vamling (Lund)
S. Zedelashvili (Tbilisi)

Главный редактор

Ц. Барамидзе (Тбилиси)

Редакционная коллегия

Р. Абашиа (учен. секретарь, Тбилиси), И. Абдуллаев (Махачкала), М. Алексеев (Москва), Т. Ахундов (Баку), Б. Бгажноков (Нальчик), Б. Берсиров (Майкоп), Л. Варданян (Ереван), Дж. Квициани (зам. главного редактора, Тбилиси), Я. Коджима (Токио), М. И. Магомедов (Махачкала), М. Путуридзе (зам. главного редактора, Тбилиси), М. Розин (Ростов-на-Дону), А. Харрис (Нэшвилл), В. Шенгелиа (Тбилиси)

Редакционный совет

A. Абрегов (Майкоп)
Л. Азмайпарашвили (Тбилиси)
Я. Браун (Варшава)
К. Вамлинг (Лунд)
Т. Гамкrelидзе (Тбилиси)
Т. Гванцеладзе (Тбилиси)
Н. Гишев (Майкоп)
Р. Гордезиани (Тбилиси)
Ш. Джамбеков (Грозный)
Р. Джанашиа (Тбилиси)
О. Джапаридзе (Тбилиси)
С. Зеделашвили (Тбилиси)
А. Казиева (Пятигорск)
Г. Кварацхелиа (Тбилиси)
М. Курдиани (Тбилиси)
Е. Куртишвили (Тбилиси)
К. Кутателадзе (Тбилиси)
Н. Кутелиа (Тбилиси)
М. Лордкипанидзе (Тбилиси)
З. Маллаева (Махачкала)
Н. Мачавариани (Тбилиси)
Л. Минашвили (Тбилиси)
Р. Пареулидзе (Тбилиси)
С. Патиев (Назрань)
Н. Рухадзе (Тбилиси)
Л. Саникидзе (Тбилиси)
Х. Таов (Нальчик)
Т. Уджуху (Тбилиси)
Д. Форкер (Лейпциг)
А. Халидов (Грозный)
М. Хачемизова (Майкоп)
Л. Чкадуа (Сухуми)
М. Чухуа (Тбилиси)

შ ი ნ ა ა რ ს ი

ენათმეცნიერება

წინასიტყვაობის მაგიერ	4
რ. აბაშია (თბილისი). ბგერათშესატყვისობის ზოგიერთი საერთო წესისათვის იბერიულ-კავკასიურ ენებში	21
ა. აბრეგოვი, ს. აბრეგოვა (მაიკოპი). დ. ლუღიეს „რუსულ-ჩერქეზული ლექსიკონი“ – ადიღური ენის პირველი ნაბეჭდი ლექსიკონი	33
*ც. ბარამიძე (თბილისი). ლეზგიურ ენათა ფუნქციონირების საკითხები (ისტორია და თანამედროვეობა)	67
ნ. ბეპიფეი (თბილისი). პირისა და კუთვნილებით ნაცვალსახელთა თანხვედრა ოსურში	69
თ. გვანცელაძე (თბილისი). სტუმარმასპინძლობის აფხაზური ტრადიციის ლინგვოკულტურული ასპექტები	81
ლ. გიგლემიანი, ვ. შენგელია (თბილისი). გათიშული სახელური შესიტყვება ქართველურ ენებში	96
თ. ვაშაკიძე (თბილისი). მედიოაქტივზმნიან შესიტყვებათა სინტაქსური მექანიზმისათვის თანამედროვე ქართულში ...	104
რ. ლოლუა (თბილისი). კავკასიის ალბანურის ანბანთრიგის დადგენისათვის (ალბანური ეპიგრაფიკის ორი ძეგლის განხილვა)	117
ზ. მაღაევა (მაჰაჩყალა). სივრცითი სემანტიკის მქონე დეიქტური სიტყვები ხუნძურ-ანდიურ ენებში	139
ნ. მაჭავარიანი (თბილისი). ცხოველთა აფხაზური სახელწოდებების სემანტიკურ-სტრუქტურული ანალიზი	152
ზ. ოცომიევა-ტაგიროვა (მაჰაჩყალა). მხოლობითისა და მრავლობითობის გამოსატვის საშუალებანი ხუნძურ ტოპონიმიკაში	159
მ. ტაბიძე (თბილისი). „უცხოს“ აღმნიშვნელი ლექსიკა ქართულში	167

* ვარსკვლავით აღნიშნული სათაური ეკუთვნის წერილის რეზიუმეს.

დ. ფორკერი (ლაიფციგი). საინფორმაციო სტრუქტურა და სახელდება ჰინუსურ ენაში	181
ნ. ქუთელია (თბილისი). არეალური კონტაქტები და ვოკალური სისტემის დიაქრონიული ტრანსფორმაცია კოლხურში (მეგრულ-ლაზურში)	187
ნ. ქუთელია (თბილისი). აკად. არნოლდ ჩიქობავა ლაზებისა და ლაზურის შესახებ ქართველთა კულტურულ ისტორიულ არეალში	204
მ. ქურდიანი (თბილისი). იბერიულ-კავკასიურ ენათა ოჯახი თუნოსტრატული და დენე-კავკასიური ფილუმები, ანუ მეტოდის სიმკაცრის პრობლემა კომპარატივისტიკაში ..	214
ნ. ხახიაშვილი (თბილისი). იჭუ ეჭუ-ს წარმომავლობისათვის ..	243
ც. ჯანჯღავა (თბილისი). სახელური მიმართვა მეგრულ-ლაზურში	250
მ. ჯიქია (თბილისი). ერთი ტიპის თხზულ სიტყვათა ინტერპრეტაციისათვის ქართულში	256

ისტორია

*ა. განიჩი (მოსკოვი). რუსეთის იმპერიის სახელმწიფოებრივი პოლიტიკის საკითხის შესწავლისათვის ამიერკავკასიის მუსულმანებთან მიმართებით (XIX-XX საუკუნის დასაწყისი)	274
ს. ზედელაშვილი (თბილისი). აგრარული რეფორმა ჩრდილოეთ კავკასიაში XIX საუკუნეში	275
დ. კანდელაკი, ე. რაისნერი (თბილისი). ევროპული საზოგადოებრივი აზრი რუსეთისა და კავკასიის ქვეყნების ურთიერთობის შესახებ გუშინ და დღეს	284
ჯ. კვიციანი (თბილისი). საქართველო და კავკასიის ცივილიზაცია (თეორიულ-მეთოდოლოგიური პრობლემა)	299
გ. კუტალაძე, გ. ჟუჟუნაშვილი (თბილისი). სამხრეთ კავკასიის გეოპოლიტიკა – საუკუნის ანალოგიები (წერილი პირველი)	310

მ. ლორთქიფანიძე (თბილისი). ქართული ეროვნული თვითშეგნების საკითხისათვის	322
*მ. მშვილდაძე (თბილისი). ახალი – ქრისტიანული ცივილიზაციის საწყისი ეტაპი საქართველოში	347
ქ. ქუთათელაძე (თბილისი). რომელ მონასტერს ეკუთვნის ე. წ. „უცნობი მონასტრის“ ტიპიკონი	349
მ. ჩხარტიშვილი (თბილისი). ქართული იდენტობა: როგორ იწრობოდა იგი. ეთნიკური რჩეულობის იდეოლოგია ...	376
*რ. ჰასანოვი (ბაქო). ეთნიკური სეპარატიზმის პრობლემა საქართველოში	406

არქეოლოგია

*ნ. ახვლედიანი (თბილისი). სამხრეთ კავკასიის ტერიტორიაზე რკინის ათვისების ქვედა ქრონოლოგიური თარიღის შესახებ	434
ი. ბერძენიშვილი (თბილისი). დრანდის ტაძრის თარიღისათვის არქეოლოგიური მონაცემების მიხედვით	436
ნ. ერქომაიშვილი, ზ. ცქვიტინიძე (თბილისი). არქეოლოგიური მენეჯმენტი ბაქო-თბილისი-ჯეიჰანის მილსადენის მშენებლობისას	481
ს. მასერეი (ლოზანა). მრავალდისციპლინარული შესწავლა დასავლეთ საქართველოს ორი დასახლებისა, ვანი და ნოქალაქევი, ძვ. წ. I ათასწლეული	485
ლ. მირიანაშვილი (თბილისი). საქართველოს სამხრეთ-აღმოსავლეთი საზღვრის ცვლილების ისტორია XX საუკუნეში	493
მ. ფუთურიძე (თბილისი). მოხატული კერამიკის სამხრეთ კავკასიაში გავრცელების პრობლემისათვის ძვ. წ. II ათასწლეულის დასაწყისში	511
ო. ჯაფარიძე (თბილისი). კავკასიის უძველესი მოსახლეობის ადრეული ეთნოგენეზის საკითხები	530
ნ. ჯაყელი (თბილისი). ზედაპალეოლითური ხანის ხელოვნების მცირე ფორმის ნიმუშები ძუძუანის მღვიმიდან (დასავლეთ საქართველო)	546

ეთნოლოგია

- ლ. ბერიაშვილი (თბილისი). გლობალიზაცია და კავკასიის ხალხთა ტრადიციული სამიწათმოქმედო სისტემების სტრუქტურის ცვლილების პრობლემები 569
- გ. გოცირიძე (თბილისი). ქართული სუფრის ანთროპოგენური მოდელი 580
- მ. ქანთარია (თბილისი). ჩრდილო-კავკასიის ხალხთა ეთნიკური გეოგრაფიის თანამედროვე პრობლემები 593
- მ. შილაკაძე (თბილისი). ქართულ-აფხაზურ-ადიღური ეთნოკულტურული კონტაქტები (სამუსიკო საკრავები) 605

ლიტერატურა, ფოლკლორი

- ე. გოგიაშვილი (თბილისი). კავკასიელი ქალის სტერეოტიპი XVII-XIX საუკუნეების ევროპულ სამოგზაურო ლიტერატურაში .. 621
- ხ. მამისიმედიშვილი (თბილისი). ჯვარ-ხატები ვაინახების ტრადიციულ ყოფასა და ფოლკლორში 634
- ტ. მახაური (თბილისი). მონადირის დასჯის ფორმები და მოტივები კავკასიის ხალხთა მითოსში 646
- ლ. მინაშვილი (თბილისი). კავკასიის ეპოპეის დიდი ქართველი მხატვარი-მემატიანე 652
- თ. პაიჭაძე (თბილისი). კავკასიელთა ყოფა: ისტორიულ-მხატვრული ფაქტი ინტერკულტურული რეზონანსისათვის 661
- ნ. პოპიაშვილი (თბილისი). ქალი ნართულ ეპოსში 669
- თ. ქურდოვანიძე (თბილისი). ადგილობრივი ტრადიციის ასახვა ქართული და ჩრდილოკავკასიური ზღაპრის სტერეოტიპულ მედიალურ ფორმულაში 682
- მ. ხაჩემიზოვა (მაიკოპი). ლიტერატურისა და ფოლკლორის ურთიერთკავშირი (ტემბოტ კერაშევის შემოქმედების მიხედვით) 694

Contents

Linguistics

Instead of Preface	4
* R. Abashia (Tbilisi). Towards some common rules of sound-correspondences in the Ibero-Caucasian languages	30
A. Abregov, S. Abregova (Maykop). L. Leulier's "Dictionary of the Russian-Circassian" languages" – the first printed dictionary of the Adyghean language	39
Ts. Baramidze (Tbilisi). The issues of functioning of Lezgian languages (history and modern times)	46
* N. Beppieva (Tbilisi). Personal and possessive pronouns in Ossetian language	79
* T. Gvantseladze (Tbilisi). Linguocultural aspects of hosting tradition in Abkhazia	95
* L. Giglemiani, V. Shengelia (Tbilisi). Distantive nominal word-correspondence in the Kartvelian languages	103
T. Vashakidze (Tbilisi). Towards the syntactic mechanism of word-correspondences with a medio-active verb in modern Georgian	110
R. Lolua (Tbilisi). Towards the arrangement of Caucasian Albanian alphabet (discussion on two Albanian epigraphic monuments)	138
Z. Mallaeva (Makhachkala). Deiktische wörter mit lokalsemantik in avarandischen sprachen	143
* N. Machavariani (Tbilisi). Semantico-structural analysis of animals' Abkhaz names	157
* Z. Otsomieva-Tagirova (Makhachkala). Expressive means of singular and plural in the Avar toponymics	165

* A title marked with an asterisk applies to a summary of the article.

*M. Tabidze (Tbilisi). Lexica expressing "other" in Georgian	180
D. Forker (Leipzig). Information structure and reference-tracking in Hinukh	181
*N. Kutelia (Tbilisi). Areal contacts and issues of diachronic transformation of vocal system in Colchian (Megrelian-Laz) language	202
*N. Kutelia (Tbilisi). Acad. Arn. Chikobava about the Lazes and their langu- age in the cultural-historical area of Kartvelians (Georgians)	213
M. Kurdiani (Tbilisi). Family of the Iberian-Caucasian languages or Nostratic and Dene- Caucasian phillums or the problem of methodic stric- ness in comparativistics	229
N. Khakhiashvili (Tbilisi). Towards the origin of Georgian იჭვ ეჭვ	247
*Ts. Janjgava (Tbilisi). Nominal addressing in Megrelian-Laz	255
M. Jikia (Tbilisi). Towards the interpretation of one type compound words in Georgian	260

History

*A. Ganich (Moscow). Towards a subject of the study of the state policy of the Russian Empire concerning Transcaucasian Muslims (XIX-be- ginning XX centuries	272
S. Zedelashvili (Tbilisi). Agrarian reform in the North Caucasus in the 19 th c.	281
D. Kandelaki, E. Reissner (Tbilisi). The opinion of European society about the relationship of Russia and the Caucasian countries today and yesterday	292
*J. Kvitsiani (Tbilisi). Georgia and Caucasian civilization	307
*G. Kutaladze, G. Zhuzhunashvili (Tbilisi). South Caucasian geopolitics – the century analogies (the first essay)	319
*M. Lordkipanidze (Tbilisi). Towards the issue of Georgian national self- consciousness	335

M. Mshvildadze (Tbilisi). New – initial stage of Christian civilization in Georgia	342
*K. Kutateladze (Tbilisi). To which Monastery belongs the typicon of so called "Unknown Monastery"	372
M. Chkhartishvili (Tbilisi). Forging Georgian identity. Ideology of ethnic election	386
R. Gasanov (Baku). Problem of ethnic separatism in Georgia	402

Archeology

N. Akhvlediani (Tbilisi). Towards the determining of the lower chronological feature of the mastery of iron on the territory of the South Caucasus	424
I. Berdenishvili (Tbilisi). Towards dating the Dranda Church according to the archaeological data	450
N. Erkomashvili, Z. Tskvitinidze (Tbilisi). Archeological management during the BTC pipeline construction project	465
C. Masserey (Lausanne) Pluridisciplinary approach of two settlements in Western Georgia, Vani and Nokalakevi, first Millennium B. C. . . .	485
*L. Mirianashvili (Tbilisi). History of Georgia's south-eastern border-change in the 20 th century	509
M. Puturidze (Tbilisi). Towards the problem of distribution of painted pottery at the beginning of the II Millenniums B. C. in South Caucasus	520
*O. Japaridze (Tbilisi). The issues of early ethnogenesis of the ancient population of Caucasus	544
N. Jakeli (Tbilisi). Art objects from Upper Paleolithic site Dzudzuana (Western Georgia)	554

Ethnology

* L. Beriashvili (Tbilisi). Globalization and problems of structuring of traditional agricultural systems of the Caucasian peoples	579
* G. Gotsiridze (Tbilisi). Cultural-historical paradigms of Georgian <i>Supra</i>	592
* M. Kantaria (Tbilisi). Modern problems of ethnical geography of Northern Caucasian peoples	604
M. Shilakadze (Tbilisi). Georgian-Abkhaz-Adyghian ethno-cultural contacts (musical instruments)	612

Literature, Folklore

E. Gogiashvili (Tbilisi). Stereotype of Caucasian woman in the European travel writing of XVII-XIX centuries	628
Kh. Mamisimedishvili (Tbilisi). Prayers house of saints guardians in the traditional life and folklore of the Vainakhs	640
T. Makhauri (Tbilisi). The forms and reasons for punishing a hunter in the mythos of the Caucasian peoples	649
* L. Minashvili (Tbilisi). Great Georgian artist-chronicler of the Caucasus epopee	660
* T. Paichadze (Tbilisi). Caucasians' life: historical-cultural fact for the intercultural resonance	668
* N. Popiashvili (Tbilisi). The face of a woman in the Nart epos	681
* T. Kurdovanidze (Tbilisi). Reflection of local traditions in stereotypical medial formulas of Georgian and North-Caucasian tales	692
M. Khachemizova (Maykop). Interrelationships between literature and folklore (as shown by materials of Tembot Kerashev's creativity)	699

С о д е р ж а н и е

Языкознание

Вместо предисловия	4
Р. Абашиа (Тбилиси). Некоторые общие правила звукосоответствий в иберийско-кавказских языках	26
А. Н. Абрегов, С. К. Абрегова (Майкоп). «Словарь русско-черкесский» Л. Я. Люлье – первый печатный словарь адыгейского языка ...	33
Ц. Барамидзе (Тбилиси). Вопросы функционирования лезгинских языков (история и современность)	56
Н. Бепиева (Тбилиси). Личные и притяжательные местоимения в осетинском языке	75
Т. Гванцеладзе (Тбилиси). Лингвокультурные аспекты абхазской традиции гостеприимства	89
Л. Гиглемиани, В. Шенгелиа (Тбилиси). Дистантное именное словосочетание в картвельских языках	100
*Т. Вашакидзе (Тбилиси). К вопросу о синтаксическом механизме словосочетаний, содержащих медиаактивные глаголы в современном грузинском языке	115
Р. Лолуа (Тбилиси). К установлению порядка значений кавказско-албанского алфавита (обзор двух памятников албанской эпиграфики)	128
З. М. Маллаева (Махачкала). Дейктические слова с пространственной семантикой в аваро-андийских языках	139
Н. Мачавариани (Тбилиси). Семантико-структурный анализ названий животных в абхазском языке	155

* Заглавие, отмеченное звездочкой, относится к резюме статьи.

З. М. Оцомиева-Тагирова (Махачкала). Способы выражения единичности и множественности в аварской топонимике	159
М. Табидзе (Тбилиси). Лексическое обозначение «чужого» в грузинском языке	173
Д. Форкер (Лейпциг). Информационная структура и наименование в гинухском языке	181
Н. Кутелия (Тбилиси). Ареальные контакты и вопросы диахронической трансформации вокальной системы в колхском (мегрельско-лазском) языке	194
Н. Кутелия (Тбилиси). Акад. Арн. Чикобава о лазах и лазском языке в культурно-историческом ареале картвелов	209
*М. Курдиани (Тбилиси). Иберийско-кавказская языковая семья или ностратическая и дене-кавказская филумы (к проблеме строгости метода в компаративистике)	241
*Н. Хахиашвили (Тбилиси). О происхождении грузинского იჭვ ეჭვ	249
Ц. Джанджгава (Тбилиси). Именное обращение в мегрельско-лазском языке	253
*М. Джикиа (Тбилиси). К интерпретации одного типа сложных слов в грузинском языке	264

История

А. А. Ганич (Москва) К вопросу изучения государственной политики Российской империи в отношении мусульман Закавказья (XIX- начало XX вв.)	267
*С. Зеделашвили (Тбилиси). Аграрная реформа на Северном Кавказе в XIX веке	283
*Д. Канделаки, Е. Ренснер (Тбилиси). Европейское общественное мнение об отношениях России и стран Кавказа вчера и сегодня	298
Дж. Квициани (Тбилиси). Грузия и кавказская цивилизация (теоретико-методологическая проблема)	304

*Г. Куталадзе, Г. Жужунашвили (Тбилиси). Геополитика Южного Кавказа – аналогии века (Письмо первое)	317
М. Лордкипанидзе (Тбилиси). К вопросу национального самосознания Грузин	329
М. Мшвиладзе (Тбилиси). Новый – начальный этап христианской цивилизации в Грузии	337
К. Кутателадзе (Тбилиси). Какому монастырю принадлежит типикон т. н. «Неизвестного монастыря»	362
*М. Чхартишвили (Тбилиси). Грузинская идентность: как она закалялась	392
Р. Ш. Гасанов (Баку). Проблема этнического сепаратизма в Грузии	396

Археология

Н. Ахвледиани (Тбилиси). К вопросу об определении нижней хронологической черты освоения железа на территории Южного Кавказа	409
*Н. Бердзенишвили (Тбилиси). О дате Драндского собора по данным археологии	464
Н. Еркоманшвили, З. Цквитинидзе (Тбилиси). Археологический менеджмент при строительстве трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан	465
С. Массерей (Лозанна). Полидисциплинарное изучение двух поселений Западной Грузии, Вани и Нокалакеви, I тыс. до н. э.	485
Л. Мирианашвили (Тбилиси). История изменения юго-восточной границы Грузии в XX веке	502
М. Путуридзе (Тбилиси). К проблеме распространения расписной керамики на территории Южного Кавказа в начале II тыс. до н. э.	511
О. Джапаридзе (Тбилиси). Вопросы раннего этногенеза древнейшего населения Кавказа	538
*Н. Джакели (Тбилиси). Предметы искусства эпохи верхнего палеолита из пещеры Дзудзуана (Западная Грузия)	561

Этнология

- Л. Бериашвили (Тбилиси).** Традиционная система земледелия народов Кавказа и проблема ее структуризации в свете глобализационных процессов современности 574
- Г. Гоциридзе (Тбилиси).** Антропогенная модель грузинского застолья 588
- М. Кантария (Тбилиси).** Современные проблемы этнической географии народов Северного Кавказа 599
- *М. Шилакадзе (Тбилиси).** Грузинско-абхазско-адыгские этнокультурные контакты (музыкальные инструменты) 617

Литература, фольклор

- *Е. Гогиашвили (Тбилиси).** Стереотип кавказской женщины в европейской литературе XVII-XIX веков, посвящённой путешествиям .. 633
- *Х. Мамисимедишили (Тбилиси).** Молельни святых покровителей в традиционной вайнахской бытности и фольклоре 644
- *Т. Махаури (Тбилиси).** Формы и мотивы наказания охотника в мифологии кавказских народов 651
- *Л. Минашвили (Тбилиси).** Великий грузинский художник-летописец Кавказской эпопеи 659
- *Т. Пайчадзе (Тбилиси).** Кавказское бытёе: историко-художественный факт для интеркультурного резонанса 667
- Н. Попиашвили (Тбилиси).** Женщина в нартском эпосе 677
- Т. Курдованидзе (Тбилиси).** Отражение местной традиции в стереотипных медиальных формулах грузинских и северокавказских сказок 688
- М. Н. Хачемизова (Майкоп).** Проблема взаимоотношения литературы и фольклора (на материале творчества Тембота Керашева) ... 694

ენათმეცნიერება

Linguistics

Языкознание

რ. ა ბ ა შ ი ა (თბილისი)

**ბგერათშესატყვისობის ზოგიერთი საერთო წესისათვის
იბერიულ-კავკასიურ ენებში**

ბგერათშესატყვისობას, როგორც ენათა უძველესი ისტორიისა და ნათესაობის გამოსარკვევად აუცილებელ უტყუარ კრიტერიუმს, ფონემატური მიმართებებისა და გარდაქმნების გარკვეული წესი (resp. წესი) განაპირობებს. ამ წესების გამოვლენისა და გათვალისწინების გარეშე, შეუძლებელია ცალკეული მონათესავე ენისა თუ ენათა ჯგუფის ამოსავალი სტრუქტურის სანდო რეკონსტრუქცია.

იბერიულ-კავკასიურ ენებშიც, რომლებიც, როგორც ცნობილია, გამოირჩევიან ფონემატური სისტემის განსაკუთრებული სირთულით, ცალკეულ ჯგუფსა და ქვეჯგუფში შემავალ ენობრივ ერთეულთა შორის ბგერათშესატყვისობას ფონეტიკური ცვლილებების (იდენტური და განსხვავებული ეკვივალენტების განაწილების) გარკვეული წესი უდევს საფუძვლად. ზოგიერთი ასეთი წესი, სისტემატური და რეგულარული ხასიათის გამო, ამ ენათა სხვადასხვა ჯგუფებს შორის ტოპოლოგიური ერთიანობის ფარგლებს სცილდება და გენეტიკურად საერთო ნიშნების არსებობაზე მუთითებს. თანხმოვანთა საარტიკულაციო ბაზისის ერთი მიმართულებით გადაწევის წესი, ძირისეულ მორფემებში სისინა და შიშინა სპირანტთა და აფრიკატთა შეთავსებადობის წესი, დუბლეტურ ფუძეებში სხვადასხვა ლოკალური რიგის სიბილანტთა სუბსტიტუციის წესი და სხვა, რომლებიც დამახასიათებელია ქართველური ენებისთვის, მეტნაკლებად ვლინდება აფხაზურ-ადიღურ, ნახურ და დაღესტნურ ენებშიც.

ზემოაღნიშნული წესები ძირითადად მოქმედებს სიბილანტურ ფონემებთან მიმართებით, რომლებიც ართულებენ იბერიულ-კავკასიურ ენათა ფონემატურ სისტემას და ქმნიან „სადემარკაციო ხაზს“ ამ ენათა შორის (სიბილანტთა რაოდენობა ამ ენებში მერყეობს 10-დან (ქართველური ენები) 30-მდე (აფხაზურ-ადიღური ენები).

თანხმოვანთა საარტიკულაციო ბაზისის (საწარმოთქმო ადგილის) ერთი მიმართულებით – წინა რიგიდან უკანა რიგისაკენ – გადაწევის წესი განსაკუთრებით თვალსაჩინოა ქართველურ ენათა სათანადო მონაცემების მიხედვით. კერძოდ, ქართულ ენასა და დიალექტებშიც წინა რიგის სიბილანტებს ენაცვლება უკანა რიგის სიბილანტები, ე. ი. ზანურსა და

სვანურში ისტორიულად მომხდარი არტიკულაციური გადაწვევის მსგავსად (ჩიქობავა, 1948; ოსიძე, 1989), ქართული ენისა და დიალექტებისთვისაც დამახასიათებელი ყოფილა საწარმოთქმო ადგილის უკან გადაწვევა (აბაშია 2007,72): ფუძე-ენის წინა რიგის (სისინა) სიბილანტებმა მოგვცეს არა მხოლოდ წინა რიგის (სისინა → სისინა), არამედ უკანა რიგის (სისინა → შიშინა) სიბილანტები (ზეპვა → ჟეპა, ფრცხილი → ფრჩხილი, წნეხა → ჭნეხა, ძაჭველი → ჯაჭველი და სხვ.). სიბილანტურ ფონემათა მეორე (უკანა) რიგის შესატყვისობაც – ქართული შიშინა: ზანურ-სვანური შიშინა უკანა წარმოების სშუღთან ერთად – ადასტურებს ქართველურ ენებში ფუძე-ენის სიბილანტურ სპირანტთა და აფრიკატთა ერთი მიმართულებით – წინა რიგიდან უკანა რიგისაკენ – გადაწვევის საერთო წესს, ვინაიდან ქართულშიც ზანურ-სვანურის მსგავსად შიშინა სიბილანტებმა განივითარეს უკანა წარმოების ფონემები (ჟერა → ჟღერა, მჭნარი → მჭკნარი...), საწარმოთქმო ადგილის უკანა მიმართულებით გადაწვევის საკომპენსაციოდ (აბაშია 2007,73). არ განხორციელდა საპირისპირო პროცესი, რომელიც ქართველოლოგიაში გავრცელებული მოსაზრების მიხედვით (მაჭავარიანი, 1960) გვექნებოდა ფუძე-ენაში შუა რიგის (სისინ-შიშინა) სიბილანტთა დაშვების შემთხვევაში, ე. ი. ქართველური ფუძე-ენის სავარაუდო შუა რიგის სიბილანტებს ქართულ ენაში უნდა მოეცა წინა რიგის სიბილანტები, რაც იმაზე მეტყველებს, რომ ფუძე-ენაში შუა რიგის (სისინ-შიშინა) სიბილანტთა დაშვება საეჭვოა.

თანხმოვანთა გადაწვევის ასეთი წესი მეტნაკლებად გამოვლინდა მთის იბერიულ-კავკასიურ ენებშიც. მაგ. აფხაზური წ (ა-წა „ფსკერი“), ადიღური ჭჷ (ჭჷა "id") ბგერათშესატყვისობის მიხედვით განხორციელდა წინა რიგის სიბილანტის საწარმოთქმო ადგილის უკანა რიგისაკენ გადაწვევა (წ → ჭჷ). აფხაზურ-ადიღურ ენებში სიბილანტური სისტემის შეცვლა ისტორიულად არაერთხელ მომხდარა (როგავა 1973, 305-307) და გარკვეულ ქრონოლოგიურ საფეხურზე უკუპროცესიც განხორციელდა (შიშინა სიბილანტი → სისინა სიბილანტი), მაგრამ, როგორც ჩანს, სიბილანტურ ფონემათა საწარმოთქმო ადგილის წინა რიგიდან უკანა რიგისაკენ გადაწვევის წესი გასდევდა ისტორიულად ამ ფონემათა ჩამოყალიბებისათვის ამოსავალ კარდინალურ ხაზს. ეს ვითარება თვალსაჩინოდ აისახა დადესტნურ ენათა მაგალითზე. საერთო-დადესტნურ ფუძეებში, სადაც წინა რიგის სიბილანტებს შეესატყვისება უკანა რიგის სიბილანტები, ამოსავალია წინა რიგის (სისინა) სიბილანტები, ისევე, როგორც ქართველურ ენებში და ეს პროცესი (მაგ., ხუნძურ-ანდიურ-დიდოურ, ლაკურ-დარგულ და ლეზგიურ ენათა უმეტესობის სისინა სიბილანტებს ახვანურ ენაში თითქმის უგამონაკლისოდ შიშინა სიბილანტები შეესატყვისება) უფრო რეგულარული ხასიათისაა, ვიდრე ქართველურ ენებში (აბაშია 2007, 72).

სიბილანტურ ფონემათა შეთავსებადობის წესი გულისხმობს ძირისეულ (დაუშლელ) მორფემებში, არქტიკებში ერთი საერთო რიგის სიბი-

ლანტურ სპირანტთა და აფრიკატთა თანაარსებობას, სადაც დაუშვებელია სხვადასხვა ლოკალური რიგის სიბილანტთა რეკონსტრუქცია (მაჭავარიანი 1964, აბაშია 2006, 5). ქართველური ფუძე-ენის მაგალითზე ეს წესი უგამონაკლისოა და, ჩვენი აზრით, დარღვევის არც ერთ მაგალითს არ იცნობს. კერძოდ, საერთო-ქართველურ ფუძეებში, სადაც ორი ან ორზე მეტი სიბილანტური ფონემაა რეკონსტრუირებული, ეს ფონემები უნდა წარმოადგენდნენ მხოლოდ და მხოლოდ ერთი (საერთო) ლოკალური რიგის (წინა რიგის ან უკანა რიგის) წევრებს და არა – სხვადასხვა რიგისას.

სიბილანტურ ფონემათა ძირისეულ მორფემებში შეთავსებადობის ასეთი წესი თვალსაჩინოა საერთო-აფხაზურ-ადიდურ, საერთო-ნახურ და საერთო-დაღესტნურ ფუძე-ენათა დონეზე აღდგენილ არქტიპებში, რაც ამ წესის საერთო-იბერიულ-კავკასიურ ხასიათზე მეტყველებს.

დუბლეტურ ფუძეებში **სხვადასხვა ლოკალური რიგის სიბილანტთა სუბსტიტუციის წესიც**, რომელიც აშკარაა ქართველურ ენათა მონაცემების მიხედვით (რაზეც მეტყველებს ზანურ-სვანურში და, განსაკუთრებით, ქათულ ენასა და დიალექტებში დღესაც ცოცხალი დუბლეტური ფუძეები, სადაც ერთმანეთს ენაცვლება სხვადასხვა ლოკალური რიგის – სისინა და შიშინა სიბილანტები), აფხაზურ-ადიდურ ენებში მოქმედებს მიკროენობრივი ერთეულის დონეზეც. უფრო მეტიც, აბაზური ენის ტაპანთურ დიალექტში „სხვადასხვა მოქმედის ენაში არის ან შიშინა, ან სისინა სახეობები ლაბიალიზებული სპირანტებისა და აფრიკატებისა ისე, რომ საერთოდ ტაპანთური დიალექტის მიხედვით იგივე, ორივე სახეობის ბგერები გვაქვს, როგორც ბზიფურში (ე. ი. ჟ⁰, შ⁰ და ზ⁰, ს⁰), ოღონდ ფუნქციურად განუსხვავებელი“ (ლომთათიძე 1969, 308-315).

ყაბარდოული ენის მალკის თქმაში მოქმედთა ერთი ჯგუფის მეტყველებაში სისინა სიბილანტებია (სპირანტები) წარმოდგენილი, მეორე ჯგუფის მეტყველებაში კი – შიშინა ეკვივალენტები (შაგიროვი 1967, 165).

სისინა და შიშინა სიბილანტთა მონაცვლეობა აშკარად ჩანს დაღესტნის მრავალ ენასა და დიალექტშიც.

ამ მხრივ ფასეულ ჩვენებებს იძლევა ხუნძური ენის ანწუხური დიალექტის ტოხური და ჭადაქლოური თქმები (კერცვაძე 1948) და ბათლუხური დიალექტი (თქმა), სადაც სისინა და შიშინა სიბილანტებს შორის ისეთი რეგულარული შესატყვისობაა წარმოდგენილი, როგორიც ქართველურ ენებში ქართულსა და ზანურ-სვანურს შორის. ასევე ახვახურ, ჭამალურ, ლეზგიურ (სამურის დიალექტი) და ლაკურ ენებში საერთო-დაღესტნური წინა რიგის (სისინა) სიბილანტებს რეგულარულად შეესატყვისება უკანა რიგის (შიშინა) სიბილანტები (აბაშია 2005, 8).

ამასთანავე, უნდა აღინიშნოს, რომ სისინა და შიშინა სიბილანტთა განაწილების მიხედვით, ქართველოლოგიაში ცნობილი განმარტება – ქართული „სისინა ჯგუფის“ ენაა, ზანური „შიშინა ჯგუფისა“ (ნ. მარი) –

შეიძლება განვავრცოთ იბერიულ-კავკასიურ ენათა მასშტაბით.

სისინა-სიბილანტური ენები: ქართული, ჩეჩნური, ინგუშური, ბაცბური, დაღესტნურ ენათა უმეტესობა (ხუნძურ-ანდიურ-დიდოური ენები – გარდა ახვახურისა, ლაკურ-დარგუული ენები, ლეზგიური ენები – გარდა უდიურისა, სადაც ნაკლები სისინა-სიბილანტური რიგი და სრული შიშინა-სიბილანტური რიგია წარმოდგენილი).

შიშინა-სიბილანტური ენები: ზანური (მეგრულ-ლაზური), სვანური, აფხაზური, აბაზური, ადიღური, ყაბარდოული, უბიხური, ახვახური, უდიური (აბაშია 2005, 7)

იბერიულ-კავკასიურ ენებში სიბილანტური ფონემების განაწილები-სა და გარდაქმნების ისტორიულ გზას, ცხადია, ბგერათშესატყვისობის გარკვეული კანონზომიერი წესები განსაზღვრავდა და განსაზღვრავს დღესაც.

ლიტერატურა

აბაშია 2005 – რ. აბაშია, „სისინა-სიბილანტური“ და „შიშინა-სიბილანტური“ დაღესტნური ენები – არნ. ჩიქობავას საკითხავები. XVI. მასალები, თბილისი;

აბაშია 2005 – რ. აბაშია, სიბილანტურ ფონემათა სუბსტიტუციისათვის იბერიულ-კავკასიურ ენებში: სამეცნიერო ლიტერატურული ჟურნალი „ენის სახლი“, №1, თბილისი;

აბაშია 2006 – რ. აბაშია, სიბილანტურ ფონემათა შეთავსებადობის წესები საერთო-ქართველური ფუძე-ენის ძირეულ სტრუქტურებში. II, „ქართველოლოგიური კრებული“, თბილისი;

აბაშია 2006 – რ. აბაშია, „კავკასიური ბგერები“ და დაღესტნურ ენათა ფონემატური სისტემა: „არნ. ჩიქობავას საკითხავები – XVII“ მასალები, თბილისი;

აბაშია 2006 – რ. აბაშია, თანხმომავანთა გადაწვევის საერთო წესი ქართველურ ენებში და დიალექტებში: თსუ ჰუმანიტარულ მეცნიერებათა ფაკულტეტის I საენათმეცნიერო კონფერენციის მასალები, თბილისი;

აბაშია 2007 – რ. აბაშია, ბგერათშესატყვისობის ზოგიერთი საერთო წესისათვის იბერიულ-კავკასიურ ენებში: კავკასიოლოგთა პირველი საერთაშორისო კონგრესის მასალები, თბილისი;

ლომთათიძე 1976 – ქ. ლომთათიძე, აფხაზური და აბაზური ენების ისტორიულ-შედარებითი ანალიზი, I, თბილისი;

ლომთათიძე 1969 – К. Ломтатидзе, К вопросу о звуковых соответствиях в речи мельчайшего языкового коллектива: «Вопросы социальной лингвистики», Ленинград;

ოსიძე 1989 – ე. ოსიძე, სიბილანტთა შესატყვისობის შესახებ ქართველურ ენათა ჰარმონიულ კომპლექსებში, იბერიულ-კავკასიური ენათ-

მეცნიერების წელიწდეული, XVI, თბილისი;

როგავა 1973 – გ. როგავა, ბგერათშესატყვისობის საკითხისათვის აფხაზურ-ადიღურ ენებში: იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება, ტ. XVIII თბილისი;

შაგიროვი 1967 – А. Шаги́ров, Кабардинский язык: Языки народов СССР, т. IV, Иберийско-кавказские языки, Москва;

ჩიქობავა 1948 – Арн. Чикобава, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик: Иберийско-кавказское языкознание, II, Тбилиси;

ცერცვაძე 1948 – ილ. ცერცვაძე, ხუნძური ენის ანწესური დიალექტი, იბერიულ-კავკასიური ენათმეცნიერება, ტ. II, თბილისი.

Р. А б а ш и а (Тбилиси)

**Некоторые общие правила звукосоответствий
в иберийско-кавказских языках**

Звукосоответствия, являющиеся единственным критерием для выявления древнейшей истории и родства языков, обусловлены определенными правилами фонематических соотношений и преобразований, без учета которых невозможна реконструкция исходной структуры отдельных родственных языков или групп языков.

Как известно, иберийско-кавказские языки отличаются довольно сложной фонематической системой. В основе звукосоответствий, выявляемых между отдельными группами и подгруппами иберийско-кавказских языков, лежат определенные правила фонетических изменений (правило распределения идентичных, а также отличающихся друг от друга эквивалентов), которые в силу своего регулярного характера выходят за рамки типологического единства разных групп иберийско-кавказских языков и свидетельствуют о наличии между данными языками генетически общих признаков.

Такие фонетические процессы, как правило передвижения в одном направлении артикуляционной базы согласных, правило совместимости в корневых морфемах свистящих и шипящих спирантов и аффрикат, правило субституции в дублетных основах сибилантов разных локальных рядов и др., характерные для картвельских языков, в большей или меньшей степени действуют в абхазско-адыгских, нахских и дагестанских языках.

Указанные фонетические процессы в основном действуют в сфере сибилантных фонем, усложняющих фонематическую систему иберийско-кавказских языков и образуют между данными языками «демаркационную линию» (количество сибилантов в данных языках колеблется от 10 (в картвельских языках) до 30 (в абхазско-адыгских языках)).

Передвижение артикуляционной базы согласных (места произношения) – от переднего ряда к заднему ряду характерно для картвельских языков. В частности, в грузинском языке и его диалектах сибиланты переднего ряда заменились сибилантами заднего ряда, т.е. аналогично тому, как в занском и сванском языках (Чикобава 1948; Осидзе 1989) исторически произошло передвижение артикуляционной базы согласных, в грузинском языке и в его диалектах также произошло передвижение артикуляционной базы назад (Абашиа 2007,72): сибиланты перед-

него ряда (свистящие) языка-основы дали не только свистящие сибиллянты переднего ряда (свистящие > свистящие), но и сибиллянты заднего ряда (свистящие > шипящие) (zerɣa > žera, prɕxili > pr̥ɕxili, ɕnexa > ɕnexa, zaɣveli > žaxveli и др.).

В грузинском языке сибиллянтным фонемам второго (заднего) ряда соответствуют шипящие сибиллянты: вместе с занско-сванскими смычными шипящими заднего ряда они свидетельствуют о действии в картвельских языках общего правила передвижения сибиллянтных спирантов и аффрикат языка-основы в одном направлении – от переднего ряда к заднему ряду, т.к. в грузинском языке, как и в занском и сванском, рядом с шипящими сибиллянтами появились фонемы заднего ряда (žera > žuɣera, m̥ɕnaɣi > m̥ɕnaɣi), что было обусловлено необходимостью компенсирования передвижения артикуляционной базы к заднему ряду (Абашиа 2007,73).

В данном случае можно говорить о противоположном процессе, который, согласно распространенной в картвелологии точке зрения (Мачавариани, 1960), мог иметь место в языке-основе при наличии сибиллянтов среднего ряда (свистяще-шипящих), т. е. предполагаемые сибиллянты среднего ряда картвельского языка-основы должны были дать в грузинском языке сибиллянты переднего ряда. Исходя из этого, трудно допустить существование в языке-основе сибиллянтов среднего ряда (свистяще-шипящих).

Такое передвижение согласных в определенной степени было характерно и для горских иберийско-кавказских языков. Например, в соответствии с правилом звуковых соответствий произошло передвижение артикуляционной базы абхазского согласного ɕ (а-са «дно») и адыгейского согласного ɕ̥ (ɕ̥а «id»), т.е. произошло передвижение сибиллянтов переднего ряда к заднему ряду (ɕ > ɕ̥).

В абхазско-адыгских языках исторически несколько раз произошло изменение системы сибиллянтов (Рогава 1973, 307). На определенной хронологической ступени имел место и обратный процесс (шипящие сибиллянты > свистящие сибиллянты), однако, видимо, для становления сибиллянтных фонем было характерно передвижение артикуляционной базы от переднего ряда к заднему ряду. Особо наглядно этот процесс проявился в дагестанских языках. Как и в картвельских языках, в общедагестанских основах, в которых сибиллянтам переднего ряда соответствуют сибиллянты заднего ряда (например, в аварско-андийско-дидойских языках, лакско-даргинских и лезгинских языках свистящим сибиллянтам без исключения соответствуют шипящие сибиллянты ахвахского языка), исходными являются сибиллянты переднего ряда (свистящие сибиллянты), и этот процесс носит более регулярный характер, чем в картвельских языках (Абашиа 2007,72).

Правило совместимости сибиллянтных фонем подразумевает сосуществование в корневых (неразложимых) морфемах, архетипах одного общего ряда сибиллянтных спирантов и аффрикат, где недопустима реконструкция сибиллянтов различных локальных рядов (Мачавариани 1964; Абашиа 2006,5). В картвельском языке-основе это правило проводится последовательно без всяких исключений. В частности, в общекартвельских основах, в которых реконструированы две или более сибиллянтные фонемы, данные фонемы должны являться члена-

ми одного (общего) локального ряда (переднего или заднего ряда), а не членами разных рядов.

Такое правило совместимости сибилантных фонем в корневых морфемах особо характерно для архетипов, восстановленных на уровне общеабхазско-адыгского, общенахского и общедагестанского языков-основ, что свидетельствует об общеиберийско-кавказском характере данного правила.

Правило субституции в дублетных основах сибилантов разных локальных рядов, которое весьма характерно для картвельских языков (об этом свидетельствует наличие в занском и сванском языках, а также в грузинском языке и его диалектах до сих пор живых дублетных основ, в которых друг друга сменяют сибиланты разных локальных рядов – свистящие и шипящие сибиланты), в абхазско-адыгских языках действует и на уровне микроязыковых единиц. Более того, в тапантском диалекте абазинского языка в речи разных информаторов присутствуют или шипящие, или свистящие разновидности лабиализованных спирантов и аффрикат, следовательно, в тапантском диалекте мы имеем звуки двух разновидностей, как и в бзыбском (т. е. \check{z} , \check{s} и z , s), однако функционально различные (Ломтатидзе 1969,309).

В малкийском говоре кабардинского языка в речи одной группы информаторов представлены свистящие сибиланты (спиранты), а в речи других – их шипящие эквиваленты (Шагиров 1967,165).

Чередование свистящих и шипящих сибилантов особо характерно для многих дагестанских языков и диалектов. С этой точки зрения особый интерес представляют данные тохского и чадоколойского говоров анцухского диалекта аварского языка (Церцвадзе 1948), а также ботлихского диалекта, в которых между шипящими и свистящими сибилантами прослеживаются такие же регулярные соответствия, как и в картвельских языках между занским и сванским языками. Аналогично в ахвахском, чамалинском, лезгинском (самурском диалекте) и лакском языках общедагестанским сибилантам переднего ряда (свистящим сибилантам) регулярно соответствуют сибиланты заднего ряда (шипящие сибиланты) (Абашиа 2005,9).

Следует отметить, что, согласно распространенной в картвелологии точке зрения, в соответствии с распределением свистящих и шипящих сибилантов грузинский язык считается языком «свистящей группы», а занский – языком «шипящей группы» (Н. Марр). Данное правило можно распространить на все иберийско-кавказские языки.

Свистяще-сибилантными языками являются: грузинский, чеченский, ингушский, бацбийский, большая часть дагестанских языков (аварско-андийско-дидойские языки, кроме ахвахского языка и лакско-даргинских языков; лезгинские языки, кроме удийского языка, в котором представлен неполный свистяще-сибилантный ряд и полный шипяще-сибилантный ряд).

Шипяще-сибилантными языками являются: занский (мегрельско-лазский), сванский, абхазский, абазинский, адыгейский, кабардинский, убыхский, ахвахский, удийский (Абашиа 2005,7).

Бесспорно, исторический путь распределения и преобразования сибилантных фонем в иберийско-кавказских языках определяется закономерными звукосоответствиями.

Литература

Абашиа, 2005 – Р. Абашиа, «Свистяще-сибилянты» и «шипяще-сибилянты» дагестанские языки: Материалы научной сессии – «Чикобавовские чтения. XVI», Тбилиси;

Абашиа 2005 – Р. Абашиа, К субституции сибилантных фонем в иберийско-кавказских языках: Научно-литературный журнал «Дом языка», №1 Тбилиси;

Абашиа 2006 – Р. Абашиа, Правила совместимости сибилантных фонем в корневых структурах общекартвельского языка- основы. II: «Картвелологический сборник», Тбилиси;

Абашиа 2006 – Р. Абашиа, «Кавказские звуки» и фонематическая система дагестанских языков: «Чикобавовские чтения. XVII», Тбилиси;

Абашиа 2006 – Р. Абашиа, Общее правило передвижения согласных в картвельских языках и диалектах: Материалы I научной конференции факультета гуманитарных наук ТГУ, Тбилиси;

Абашиа 2007 – Р. Абашиа, Некоторые общие правила звукосоответствий в иберийско-кавказских языках: Материалы I международного Конгресса кавказоведов, Тбилиси;

Ломтатидзе 1976 – К. Ломтатидзе, Историческо-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков, I, Тбилиси;

Ломтатидзе 1969 – К. Ломтатидзе, К вопросу о звуковых соответствиях в речи мельчайшего языкового коллектива: Вопросы социальной лингвистики, Ленинград;

Осидзе 1989 – Е. Осидзе, К вопросу звукосоответствий сибилантов в гармоничных комплексах картвельских языков: Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, XVI, Тбилиси;

Рогава 1973 – Г. Рогава, К вопросу звукосоответствий в абхазско-адыгских языках: Иберийско-кавказское языкознание, XVIII, Тбилиси;

Шагиров 1967 – А. Шагиров, Кабардинский язык: Языки народов СССР, т. IV, Иберийско-кавказские языки, Москва;

Чикобава 1948 – А. Чикобава, Картвельские языки, их исторический состав и древний лингвистический облик: Иберийско-кавказское языкознание, II, Тбилиси;

Церцвадзе 1948 – И. Церцвадзе, Анцухский диалект аварского языка, Иберийско-кавказское языкознание, II, Тбилиси.

R. A b a s h i a (Tbilisi)

Towards some common rules of sound-correspondences in the Ibero-Caucasian languages

S u m m a r y

Soundcorrespondence, as a trustworthy criterion of clearing up the oldest history and relation of languages, is conditioned by a concrete rule (resp. rules) of phonematic relations and changes.

Without manifestation and consideration of these rules, a trustworthy reconstruction of an original structure of separate kindred languages or group of languages is impossible.

In the Ibero-Caucasian languages, which as it is well-known, are distinguished by complexity of a phonematic system, the sound-correspondence among the language units entering in separate groups and subgroups are based on a concrete rule (of distribution of identic and different equivalents) of phonetic changes.

Some such rules, owing to their systematic and regular character, are beyond the borders of typological unity among the different groups of these languages and point to existence of genetically common marks. A rule of moving of an articulative basis of consonants to one direction, a rule of compatibility of whistling and hushing spirants and affricates in root morphemes, a rule of substitution of sibilants of different localization series in doubletic stems and others, which are characteristic for the Kartvelian languages, are also more or less manifested in the Abkhaz-Adyghian, Nakhian and Daghestanian languages.

The above mentioned rules basically act on sibilant phonemes, which complicate a phonematic system of the Ibero-Caucasian languages and form 'a demarcative line' among these languages (a number of sibilants in these languages ranges from 10 (Kartvelian languages) to 30 (Abkhaz-Adyghian languages)).

A rule of moving of an articulative basis of consonants towards one direction – from front to back – is especially demonstrative according to appropriate data of the Kartvelian languages. In particular, in the Georgian language and dialects, front sibilants are changed by back sibilants, i.e. like the articulative moving which historically took place in Zan and Svan, moving to back of an articulative place was characteristic for Georgian and its dialects: the front sibilants (whistling) of a radical-language gave not only front (whistling → whistling), but back (whistling → hushing) sibilants (zepva > žepa, prcxili > prčxili, čnexa > čnexa, žaqveli > žaxveli . . .).

Even a correspondence of the back sibilantive phonemes – Georgian hushing: Zan-Svan hushing together with back occlusive – confirms a common rule of moving towards one direction – from front to back – of sibilantive spirants and affricates of a ra-

dical language in the Kartvelian languages, as like Zan-Svan, even in Georgian a hushing sibilants developed themselves back phonemes (*žera* > *žɣera*, *mčnari* > *mčɣbari*) for compensation of moving an articulative place towards a back direction. A contrary process did not take place, which according to the viewpoint spread in Kartvelology would have had in radical-language in the case of assuming the medial (whistling-hushing) sibilants, i. e. hypothetical medial sibilants of a Kartvelian radical-language might have given in Georgian front sibilants, which points to the fact, that assuming of medial (whistling-hushing) sibilants in a radical language is doubtful.

Similar rule of moving of consonants was more and less manifested in the mountain Ibero-Caucasian languages, e. g.: Abkhaz *ç* (**a-ça** "a bottom"), Adyghian – *č̣* (*č̣a* «id»). According to sound-correspondence moving of an articulative place of a front sibilant towards back took place (*ç* > *č̣*). Changing a sibilant system in the Abkhaz-Adyghian languages historically took place many times (G. Rogava) and on concrete chronological level a reverse process took place (hushing sibilant → whistling sibilant), but a rule of moving an articulative place of sibilant phonemes from front to back historically emphasized an original cardinal line for formation these phonemes. This situation was noticeably reflected on an example of the Daghestanian languages. In the Common-Daghestanian stems, where front sibilants corresponds with back ones, front (whistling) sibilants are original, like in the Kartvelian languages and this process (e. g.: whistling sibilants of the most part of the Avar-Andi-Dido, Lack-Dargwa and Lezgian languages almost without exception corresponds with hushing sibilants) is of regular character then in the Kartvelian languages.

A rule of compatibility of sibilant phonemes implies co-existence of sibilant spirants and affricates of common kind in root morphemes, archetypes, where reconstruction of sibilants of different localization series is not assumed. On the Kartvelian radical-language example, this rule is without exception and we believe, that it does not know any example of breaking. In particular, in the Common-Kartvelian stems, where two or more sibilant phonemes are reconstructed, these phonemes must be the members of only one (common) local series (front or back) and not – of different ones.

Such rule of compatibility of sibilant phonemes in root morphemes is noticeable in the archetypes reconstructed on the level of Common-Nakh and Common-Daghestanian radical-languages. This fact points to the Common-Ibero-Caucasian character of this rule.

A rule of substitution of the sibilants of different localization series in doublet stems which is noticeable according to the data of the Kartvelian languages (the doublet stems, where whistling and hushing sibilants of different localization series interchange, still alive in Zan-Svan and especially, in the Georgian language and dialects, point to this), in the Abkhaz-Adyghian languages it acts on a level of micro-lingual unit. The more, in the Tapant dialect of Abaz „in a language of different narrators there are hushing or whistling varieties of labialized spirants and affricates, accordingly in the Tapant dialect we have both kind of sounds like in Bzip (i. e. *ẓ̌*, *ṣ̌* and *ẓ*, *ṣ*), but functionally different" (Lomtadze 1969, 309).

In the Malk dialect of Kabardian in the speech of some narrators there are whistling sibilants (spirants), in the speech of other ones – hushing equivalents (Shagirov 1967, 165).

Interchanging of whistling and hushing sibilants is clearly noticeable in many Daghestanian languages and dialects. To this point, valuable evidences are given in the Tokh and Chadakolian subdialects of the Antsukh dialect of Avar, Batlukh subdialect, where such regular correspondence among the whistling and hushing sibilants is represented, like in the Kartvelian languages between Svan and Zan. Also, in the Akhvakh, Chamal, Lezgian (of Samur dialect) and Lak languages Common-Daghestanian front (whistling) sibilants regularly correspond with back (hushing) ones (Abashia 2005, 9).

Herewith, it must be noted that according to distributing of whistling and hushing sibilants, a well-known explanation in the Kartvelology – Georgian is the language of "a whistling group", Zan – of „a hushing group“ (N. Marr) – can be appropriate for the Ibero-Caucasian languages.

Whistling-sibilantive languages are: Georgian, Chechen, Ingush, Bats, the most of the Daghestanian languages (Avar-Andi-Dido languages – besides Akhvakh, Lak-Dargwa languages, Lezgian languages – besides Udi, where incomplete whistling-sibilants and complete hushing sibilants are represented).

Hushing-sibilantive languages are: Zan (Megrelian-Laz), Svan, Abkhaz, Abaza, Adyghian, Kabardian, Ubykh, Akhvakh, Udi.

It is clear, that historical way of distribution and transformation of sibilant phonemes in the Ibero-Caucasian languages was determined and is still determined by the concrete regular rules of sound-correspondence.

Argumentative Ibero-Caucasian language data of existing the above-mentioned rules of sound-correspondence will be presented in the paper.

А. Н. А б р е г о в, С. К. А б р е г о в а (Майкоп)

**«Словарь русско-черкесский» Л. Я. Люлье – первый
печатный словарь адыгейского языка**

Статья посвящена «Словарю русско-черкесскому или адыгскому, с краткою грамматикою сего последнего языка» Л. Я. Люлье, опубликованному в г. Одессе в 1846 году. Это первый печатный словарь адыгейского языка, послуживший началом практической лексикографии адыгейского языка. Он является одним из источников для изучения истории адыгейского языка и исторической диалектологии и представляет обширное собрание адыгейской лексики первой половины XIX века. По существу, «Словарь русско-черкесский» Л. Я. Люлье – единственный письменный лексикографический источник по истории адыгейского языка и шапсугского диалекта.

Хотя со времени публикации «Словаря русско-черкесского» прошло более 160 лет, он представляет предмет большого научного интереса, не потерял своей значимости для истории языка как один из важнейших источников диахронного изучения структуры и системы адыгейского языка вообще и шапсугского диалекта в частности.

Комплексный анализ данного словаря позволяет установить, что шапсугский диалект обладает целым рядом фонетических и морфологических особенностей, а также своеобразием лексики, изучение которых имеет большое теоретическое значение для всестороннего изучения истории адыгейского языка.

Самой древней областью науки о языке следует считать практическую лексикографию. Первоначальное изучение языка начинается со сбора слов и их фиксации, что является отправной точкой практической лексикографии, получающей в дальнейшем значительное развитие. Адыгейская лексикография, зародившаяся в первой половине XIX века, связана с именем Л. Я. Люлье, положившего начало практической лексикографии в истории адыгейского языкознания. Лексикографам XIX века необходимо было прежде всего осознать, что лексико-семантические системы разных языков не тождественны и что для установления нужного варианта перевода почти в каждом случае требуются знания, умение и большой труд. Существенный шаг на этом пути был сделан Л. Я. Люлье, опубликовавшим в 1846 г. в Одессе «Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикою сего последнего языка», словарный состав которого представляет большой интерес для лексикологии и лексикографии

адыгейского языка. Этот словарь вошел в историю как первый печатный словарь адыгейского языка. Словарь Л. Я. Люлье является важным источником для истории адыгейского языка и исторической диалектологии; к нему обращаются как к одному из обширных собраний адыгейской лексики первой половины XIX века. Его можно рассматривать как связующее звено между глоссариями и небольшими словниками предшествующей эпохи и современными лексикографическими работами по адыгейскому языку, появившимися только в послеоктябрьский период.

Алфавит Л. Я. Люлье, опирающийся на русскую графическую основу, не полностью отражает звуковую систему адыгейского языка, хотя в нем использованы буквы, буквосочетания и диакритические знаки. Автор словаря недостаточно четко улавливал звуки шапсугского диалекта адыгейского языка: с одной стороны, одни и те же звуки обозначались по-разному. С другой стороны, одна и та же буква служила для обозначения разных звуков. Из-за путаницы в обозначении звуков возникают сложности в прочтении слов. Поскольку Л. Я. Люлье не имел лингвистической подготовки, как в свое время на это указывал П. К. Услар [1: 83], он не смог в полной мере отразить богатства звуковой системы адыгейского языка.

А. А. Шаов прав, когда отмечает, что «встречаются случаи, когда одна буква передает два или больше звуков, и наоборот, один и тот же звук обозначается разными знаками. Так, согласный [гъу] в словаре передается тремя различными знаками, например: *ивгуо* «во время»; *вуазэ* «вожак»; *иггуо* «время». Несвершенством алфавита можно объяснить также неразграничение некоторых словоформ, выраженных различными частями речи, например, *куу* прил. «глубокий» и *куу́* нар. «глубоко» (надо: *кууу́*) и т. д.» [2: 11]. Проблема использования графических знаков для обозначения звуков адыгейского языка была рассмотрена З.И. Керашевой, А. А. Шаовым и Б.Х. Балкаровым [3:55, 2:11, 4:17]. Этот вопрос более подробно освещен З. И. Керашевой при работе над шапсугским диалектом адыгейского языка [3:16-18]. Однако многие моменты не получили полного описания. Нами рассмотрены все случаи графического обозначения, нашедшие отражение в «Словаре русско-черкесском» Л. Я. Люлье. При передаче гласных Л. Я. Люлье использует буквы русского алфавита, включая и *i*, которые фигурируют не только самостоятельно, но и в сочетаниях типа *ia*, *ie*.

Звуки, которые совпадают и в русском, и адыгейском языках, Л. Я. Люлье, как правило, обозначает однолитерными буквами: *мате* «корзина»; *бзэгу* «язык»; *фабэ* «тепло»; *мафе* «день»; *целл* «десна»; *цее* «зуб»; *мазэ* «месяц»; *мэзэ* «лес»; *нэпе* «сегодня» [5:91, 244, 219, 52, 53, 112, 103, 188].

Орфографически ларингальный согласный в современной адыгейской фонетике обозначается буквой **І**: *Іанэ* «стол», *Іасэ* «тихий, спокойный», *Іазэ* «мастер, лекарь». Этот же звук имеется и в шапсугском диалекте. Однако, на наш взгляд, ларингальный звук [І] у Люлье не получил своего обозначения. З. И. Керашева пишет, что звук **І** пропускается составителем словаря [3: 16]: *алле* «бешеный»; *азе* «врач»; *азэ* «искусный»; *анне* «стол»; *ате*, *мокоате* «стог, стог сена» [5: 16, 29, 84, 204]. Используя букву **а** в начале слова, Л.Я. Люлье, вероятно, по

аналогии с русским языком и в адыгейском написал **а**: *анне* «стол», *ате* «стог». Срв. рус.: *арбуз*, *Анна*, которые произносятся в русском языке с гортанным приступом, т.е. *'арбуз*, *'Анна*, Иначе нельзя объяснить, по нашему мнению, написание начального **а** в адыгейском языке у Л. Я. Люлье.

Ряд фонетических особенностей шапсугского диалекта мы находим в словаре Л. Я. Люлье, которые имеют важное значение для исторической фонетики адыгских языков. Среди них можно назвать следующие фонетические особенности:

1) наличие звукового комплекса [**пкЬь**], обозначенного через **пк**: *тёсенка* [5:112] «местоположение»;

2) твердым аффрикатам [**чь**], [**чЬь**] адыгейского литературного языка в шапсугском соответствуют [**ч**], [**чП**]. Это четко прослеживается в словаре Л.Я. Люлье, где после аффрикаты [**ч**] у него всегда стоят буквы **и**, **е**, **ё**.

адыг. лит. яз.	шапс. диал.	по словарю Люлье	русс. яз.
чьгы	чыгы	чигге	дерево
чьэ	чэ	тчэ	бег

3) твердым спирнтам [**ж**], [**ш**] соответствуют в шапсугском диалекте мягкие [**жь**], [**щ**]. Здесь также хорошо видна попытка Л.Я. Люлье передать мягкость этих спирнтов с помощью последующих букв **и**, **и** и **е**.

адыг. лит. яз.	шапс. диал.	по словарю Люлье	русс. яз.
жакІэ	жьакІэ	жайке	борода
бжьыхьэ	бжьыхьэ	бжега	осень
	(в хак. говоре)		

Как отмечает З.И. Керашева, в адыгейском литературном языке различают два ряда аффрикат: первичные и вторичные. Вторичные, позднейшие аффрикаты адыгейского языка получены путем аффрикатизации заднеязычных [**гь**], [**кь**], [**кЬь**], сохранившихся в шапсугском диалекте и в некоторых диалектах кабардинского языка [3: 31]. Словарь Л. Я. Люлье дает возможность выделить лексемы, в которых сохранились неаффрикатизованные заднеязычные [**гь**], [**кь**], [**кЬь**]. Ср.:

адыг лит. яз.	шапс. диал.	по словарю Люлье	русс. яз.
джанэ	гъанэ	гяне	рубашка
кІэнкІэ	кЬьакІэ	кІанке	яйцо

В шапсугском диалекте, наряду со звонким [**з**] и глухим [**с**], имеется того же ряда свистящий абруптивный спирнт [**сП**]. Указанный абруптивный свистящий спирнт [**сП**] возник в результате спирнтизации свистящей аффрикаты [**щП**]: **сПэ<щПэ** (ср. адыг. **щПэ** «имя»).

Словарь Л. Я. Люлье позволяет выяснить, в каких словах появился этот спирнт в шапсугском диалекте:

адыг. лит. яз.	шапс. диал.	по словарю Люлье	русск. яз.
цӀынэ	сӀынэ	сыне	мокрый
шӀуцӀэ	шӀуысӀэ	шусзе	черный

Следовательно, в шапсугском диалекте при образовании абруптивного [сӀ] возникла трочная система свистящих спирантов [з], [с], [сӀ].

Лабиализованный [кӀьу], сохранившийся в шапсугском диалекте, в других диалектах адыгейского языка и в кабардино-черкесском языке, перешел в [Ӏу]:

шапс. диал.	по словарю Люлье	тем. диал.	каб. яз.	русск. яз.
кӀьульхьэ	кутлха	Ӏульхьэ	Ӏульхьэ	глоток
кӀьугьо	кугго	Ӏугьо	Ӏугьо	дым

Лабиализованный придыхательный фарингальный [кхьу] сохранил хакучинский говор – хак. *кхьуае*, а в словаре Люлье дано написание *куаie* [5:210] «сыр».

Звук [кӀьу] представлен в словаре в следующих словах:

адыг. лит. яз.	шапс. диал.	по словарю Люлье	русск. яз.
Ӏушьхьэ	кӀьушьхьэ	уусха	мак
хьакупчӀэӀу	хьакупчӀэкӀьу	хакупчӀёку	заслонка

Несомненно, для истории изучения фонетики адыгейского языка большой интерес представляет шапсугский диалект, который дает возможность подробно описать протекание таких фонетических процессов, как ассимиляция, метатеза и наращение звуков.

Ассимиляция звуков иногда наблюдается в шапсугском диалекте там, где она не происходит в адыгейском литературном языке и наоборот.

Регрессивная смежная ассимиляция наблюдается в заимствованном слове: тем. *куэтрауз*, бжед. *куытрауз*, шапс. (срв. Люлье) *кукуберауз* «синька» [5:189].

Согласный [ш] перед [хьу] в адыгейском литературном языке остается без изменений, между тем в шапсугском диалекте в результате смежной частичной ассимиляции [ш] переходит в [шь], как в кабардинском языке, или в лабиализованный [шьӀу], например, *пӀашхьӀуэ-пӀашшьхьӀуэ-пӀашшьӀухьӀуэ* (ср. Люлье *пӀашхуо* «ласточка» [5: 98]).

В шапсугском диалекте, как и в бжедугском, наращение сонорных не представлено. Перед переднеязычными звук [н] в шапсугском диалекте, как правило, отсутствует, что очень точно отражено в словаре Л. Я. Люлье. Ср.:

адыг. лит. язык	шапс. диал.	по словарю Люлье	русс. яз.
Перед д:			
щэндрыгъуэ	пчэдыгъуэ	пчэдыгуо	черешня
Перед т:			
Іэнтэгъу	Іэтэгъу	этохуо	локоть
онтэгъу	уэтэгъу	уотоггу	тяжелый
Перед тІ:			
пхъэнтІэкІу	пхъэтІэкІу	пхаток	скамейка
пкІантІэ	пчІатІэ	пчяте	пот

Первые грамматические заметки адыгейского языка написаны Л. Я. Люлье в первой половине XIX века с опорой на грамматический строй русского языка, что явилось причиной выделения в адыгейском языке тех же частей речи и тех же грамматических категорий, которые характерны для русского языка. По этой причине структурные особенности адыгейского языка в большинстве случаев были проигнорированы. Интерес к грамматическим заметкам Л. Я. Люлье усиливается еще и потому, что в них нашли отражение некоторые грамматические особенности шапсугского диалекта адыгейского языка прошлой эпохи. В частности, формант творительного падежа имен представлен фонетическим вариантом **-гъэ** // **-мгъэ**, который в других диалектах адыгейского языка впоследствии перешел в **-джэ** // **-мджэ** и **-кІэ** // **-мкІэ**.

адыг. лит. яз.	шапс. диал.	по словарю Люлье	русс. яз.
сэрчІэ	сэргъэ	сериге	мног

Если в грамматическом очерке есть определенные грамматические сведения о существительных, прилагательных, местоимениях, глаголах, причастиях и деепричастиях, то наречие и служебные части речи фактически не описаны. Автор ограничивается только подачей их дефиниций.

Перед Л. Я. Люлье, естественно, встали непреодолимые трудности, поскольку типологически и структурно адыгейский язык значительно отличался от известных ему индоевропейских языков. Поэтому неслучайно в адыгейском языке он искал предлоги, хотя вместо них в этом языке функционируют послелого, о которых Л. Я. Люлье не имел никакого представления.

При описании системы словоизменения существительных и местоимений адыгейского языка автор грамматики полностью заимствовал модель русского склонения. Автор грамматического очерка обратил внимание на расхождения в системе спряжения и образования временных форм глагола в русском и адыгейском языках. Он выделил пять типов спряжения, однако не дал им никакого объяснения.

Синтаксис адыгейского языка оказался нерассмотренным. О структуре словосочетаний и предложений адыгейского языка мы можем судить по примерам, приводимым в «Краткой грамматике», а также исходя из анализа материала словарных статей.

Ценность данного лексикографического труда заключается в том, что впервые в таком объеме документируется лингвистический материал, отражающий состояние адыгейского языка первой половины XIX века. Несмотря на имеющиеся неточности и

недостатки, на которые указывали Адиль-Гирей, П. К. Услар, И. А. Джавахишвили, З. И. Керашева, А. А. Шаов, [газ. «Кавказ» № 12, 1:83, 6:31, 3:14, 2:10], словарь Л.Я. Люлье должен быть объективно и критически осмыслен, по достоинству оценен и использован при диахронном исследовании различных проблем адыгейского языка. Ведь по большому счету лексикографическая работа Л.Я. Люлье является единственным, наиболее полным источником изучения адыгейской речи первой половины XIX века. В словаре нашли свое отражение существенно важные для истории адыгейского языка лексические особенности шапсугского диалекта той эпохи. Так, в частности, словарь зафиксировал наименование специфического предмета, используемого только шапсугами в зимнее время и получившего название *пцыкьо* «снегоступы» – приспособление из дерева в виде круга с кожаными ремешками, надеваемое для хождения по глубокому снегу [2:118]. В шапсугском диалекте есть слова, отсутствующие в других диалектах и литературном языке и зафиксированные словарем Л. Я. Люлье. Например: *ишъхъэ* «град», *гъуамэ* «запах», *къуао* «ведро», *нэкъыгъ* «цветок» [5:47, 73, 18, 233] и мн. др. Благодаря словарю Л. Я. Люлье появилась возможность уточнить значение слова *цызэ*, переводимого всеми словарями современного адыгейского языка на русский язык как «белка». Согласно словарю Л. Я. Люлье выясняется, что *чъыгышъхъацыз* следует перевести как «белка», а *цызэ* – как «куница».

В словаре широко представлена лексика, относящаяся к садоводству и виноградарству Причерноморской Шапсугии, являющейся особой климатической зоной проживания адыгов. Например: *хэсэлъхъэ* «прививаю», *дамко* «орешник», *сэнэшъхъэ гъугъэ* «изюм» [5:162,131, 83].

Комплексный анализ материала «Словаря русско-черкесского или адыгского, с краткою грамматикою сего последнего языка» Л. Я. Люлье показал, что шапсугский диалект обладает рядом фонетических, морфологических и лексических особенностей, изучение которых имеет большое теоретическое значение для истории адыгейского языка.

Литература

- Услар П. К. Этнография Кавказа. Т. I. Тифлис, 1887. 120 с.
 Шаов А. А. Основы адыгской лексикографии. Майкоп, 1988. 224 с.
 Керашева З. И. Особенности шапсугского диалекта адыгейского языка. Майкоп, 1957. 148 с.
 Балкаров Б. Х. Фонетика адыгских языков (синхронно-диахронное исследование). Нальчик, 1970. 334 с.
 Люлье Л. Я. Словарь русско-черкесский или адыгский, с краткою грамматикою сего последнего языка. Одесса, 1846. 246 с.
 Адиль-Гирей. Словарь русско-черкесский или адыгейский, с краткою грамматикою сего последнего языка, составленный Леонтием Люлье. – Газ. «Кавказ», № 12. Тбилиси, 1847.
 Джавахишвили И. А. Введение в историю грузинского народа. Т. II. Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков. Тбилиси. 754 с.

A. A b r e g o v, S. A b r e g o v a (Maykop)

**L. Leulier's "Dictionary of the Russian-Circassian Languages" –
the first printed dictionary of the Adyghian language**

The article is devoted to the „Dictionary of the Russian-Circassian or Adyghian Languages with a Short Grammar of the Latter Language“ by L. Leulier, published in Odessa in 1946.

This is the first printed dictionary of the Adyghian language that marked the beginning of the practical lexicography of the Adyghian language.

It is one of the sources for the study of the history of the Adyghian language and historical dialectology. It is an extensive collection of the Adyghian vocabulary of the 1st half of the 19th century.

Essentially the „Dictionary of the Russian-Circassian or Adyghian Languages with a Short Grammar of the Latter Language“ by L. Leulier is the only written lexicographic source in the history of the Adyghian language and Shapsughe dialect.

Though 160 years have passed since its publication, it is of great scientific value. It has not lost its importance for the history of the language as one of the most important sources for the diachronic study of the structure and the system of the Adyghian language, in general, and for the study of the Shapsughe dialect in particular.

A complex analysis of this dictionary allows ascertaining, that the Shapsughe dialect possesses a number of phonetic and morphological peculiarities and its original vocabulary. The study of the vocabulary has great theoretical significance for the study of the history of the Adyghian language.

«Russian-Circassian dictionary» compiled by Leulier L. is the first printed Adyghian dictionary. The oldest science field about language is the practical lexicography. Originally, the study of the language begins with word – formation, that is the starting point of practical lexicography, that obtained the significance in future. Adyghian lexicography, that was founded in the first half of the 19th century, is bound with the name Leulier who initiated practical lexicography in the history of Adyghian linguistics. The lexicographers of the 19th century must have understood, that lexical-semantic systems of different languages are not identical, and for establishing the suitable form of translation, almost in any case the knowledge, skill and work are needed. The essential step was made in Russian-Circassian dictionary, the vocabulary of which is of great impor-

tance for lexicology and Adyghian lexicography. This dictionary came into history as the first Adyghian printed dictionary. The dictionary of Leulier is a very important source for Adyghian history and historical dialectology. It is one of the most complete volumes of the Adyghian vocabulary of the first half of the 19th century. It can be regarded as the main link between glossaries and small word-lists of the previous epoch, and modern lexicographical works in the Adyghian language. They appeared only in Post-October period.

Russian-Circassian dictionary of Leulier is the only written lexicographical source for the history of the Adyghian language. The alphabet of Leulier, based on Russian graphical foundation, does not completely reflect the sound system of the Adyghian language, though it has the letters, letter-combinations and diacritical marks. The author of the dictionary has not enough clearly caught the sounds of Shapsughe dialect of the Adyghian language. On the one hand, one and the same sounds were designated differently. On the other hand, one and the same letter served as a sign for different sounds. Because of a mess in designation the difficulties in reading came into existence. Leulier did not have linguistic training, as P. K. Uskar pointed out [1: 83], he could not completely show the variety of Adyghian sound system

A. Shaov A. is right when he says, that there are cases when one and the same letter gives 2 or even more sounds, or vice versa, one and the same sound designates 2 different signs. So, the consonant [гъу] in the dictionary designates 3 different signs, for example : *ивгую* «во время»; *вугазе* «вожак»; *иггую* «время». The indissolubility of some free combinations of words, expressed by different parts of speech, can be explained by the imperfection of the alphabet. For example, adjective *куу* «глубокий» and adverb *куу* «глубоко» (must be «куоу») etc [2 :11]. The problem of using the graphical signs for symbolizing the sounds of the Adyghian language was considered by B. X. Kerasheva, A. A Shaov, and B. X Balkarov [3: 55, 2:11, 4:17]. In details this question is elucidated by Z. I. Kerasheva in her work about Shapsughe dialect of the Adyghian language [3:16-18]. But many moments were not fully described. We examined all the cases of graphical designation, that obtained the reflection in the Russian-Circassian dictionary of Leulier, where he uses different letters of the Russian alphabet, including [I] that appears not independently, but in combinations like *ия* *ие*.

Sounds that coincide in the Russian and Adyghian languages, L. Leulier, as a rule, denotes by one-letter: *мате* «корзина»; *бзегу* «язык»; *фабе* «тепло»; *мафе* «день»; *целл* «десна»; *цее* «зуб»; *мазе* «месяц»; *мезе* «лес»; *непе* «сегодня» [5:91, 244,219,52, 53, 112,103,188]

Orthographically, laryngeal consonants in modern Adyghian phonetics are designated by the letter I: *Ианэ* «стол», *Иасэ* «тихий, спокойный», *Иазэ* «мастер, лекарь». There is the same sound in Shapsughe dialect. Though, to our mind laryngeal sound [I] is omitted by lexicographers [3:16]: *алле* «бешеный»; *азе* «врач»; *азе* «искусный»; *анне* «стол»; *ате*, *мокоате* «стог, стог сена» [5; 16, 29, 84, 204].

Using the letter **a** in the initial position, L. Leulier, probably, by analogy with the Russian language, wrote in Adyghian **a**: *анне* «стол», *аме* «стог». Compare with Russian: *арбуз*, *Анна*, which are pronounced in the Russian language with a glottal plosion, that is, *'арбуз*, *'Анна*. Otherwise, the spelling of initial **a** in the Adyghian language, to our mind, is unexplainable. In the dictionary by Leulier we can find a number of phonetic peculiarities of Shapsughe dialect, that is of great importance for historical phonetics of the Adyghian language. We can name the following phonetic peculiarities among them:

- 1) The presence of sound combination [пкЬ], designed through ПК: тесепка [5:12] «местоположение»;
- 2) Soft affricates [чЬ], [чІЬ] the Adyghian literary language in Shapsughe correspondences [ч], [чІ]. In the Leulier dictionary we can see the traces where after affricate [ч] there are the letters и, е, ё.

Adyghian lit. lang.	Shaps. dial.	Leulier dict.	Russ. lang.
ЧЬыгы	чыгы	чигге	дерево
ЧЬэ	чэ	тче	бег

- 3) Hard spirants [ж], [ш] correspond to soft [жЬ], [ш] in the Shapsughe dialect. Here we can observe the attempt of Leulier to render the palatalization of these spirants with the help of the following letters **i**, **u** and **e**.

Adyghian lit. lang.	Shaps. dial.	Leulier dict.	Russ. lang.
жакІэ	жЬакІэ	жiайке	борода
бжыхЬэ	бжЬыхЬэ	бжега	осень

As Kerasheva Z. I. points out, there are 2 rows of affricates in the Adyghian literary language: primary and secondary. Secondary, late affricates of the Adyghian language, are obtained through affricatization of back [гЬ], [кЬ], [кІЬ], preserved in the Shapsughe dialect [3: 6], and in some dialects of the Kabardian language [3: 31]. The dictionary of Leulier gives the possibility to show the lexemes in which back vowels that have not become affricates, are preserved: Compare

Adyghian lit. lang.	Shaps. dial.	Leulier dict.	Russ. lang.
джане	гЬанэ	гiане	рубашка
кІэнкІэ	кЬакІэ	кiанке	яйцо

In Shapsughe dialect, along with voiced [з] and voiceless [с], there is a sibilant abrupt spirant [сІ]. This abrupt sibilant spirant came into existence as the result of spirantization of sibilant affricate [цІ] : *сІэ* < *цІэ* (compare with Adyghian *цІэ* «имя»)

The dictionary of Leulier allows us to clear out in what words this spirant in Shapsughe dialect appeared.

Adyghian lit. lang.	Shaps. dial.	Leulier dict.	Russ. lang.
цЫнэ	сЫнэ	сыне	мокрый
шЮцІэ	шЮысІэ	шусзе	чёрный

So, with the formation of the abrupt [cI] the tertiary system of sibilant spirants [з], [с] has appeared in the Shapsughe dialect.

The labialised [кІъу], preserved in the Shapsugh dialect, in other dialects of the Adyghian language and in the Kabardian-Circassian language changed into [Іу]:

Shaps. dialect	Leulier's dictionary	Chemguy dialect	Kabardian lang.	Russ. lang.
кІульхъэ	кутлха	Іульхъэ	Іульхъэ	глоток
кІуьгъо	кугго	Іуьгъо	Іуьгъо	дым

The labialised aspirated pharyngeal consonant [кхъу] has preserved the Hackushinsky dialect – Нєкєч. *кхъуае*, Leulier's dictionary gives the following spelling *куа-іе* [5:210] „сыр“.

The sound [кІъу] is introduced in the dictionary in the following words:

Adyghian lit. lang.	Shaps. dial.	Leulier dict.	Russ. lang.
Іушьхъэ	кІушьхъэ	уусха	мак
хъакупчъэІу	хъакупчъэкІу	хакупчѐку	заслонка

Undoubtedly, the Shapsughe dialect represents a great interest for the history of the phonetic research of the Adyghian language. It gives a chance to describe the course of phonetic processes, such as assimilation, metathesis and the augment of sounds in detail.

Sometimes the assimilation of the sounds is observed in the Shapsughe dialect there, where it is not observed the Adyghian literary language and vice versa.

The regressive related assimilation is observed in a borrowed word: Chemguy *куэпрауз*, bged. *куыпрауз*, shaps. (cf. Leulier) *кукуберауз* [5:189] „синька“.

The consonant [ш] before [хъу] remains the same in the Adyghian literary language, while in the Shapsughe dialect, as the result of the related partial assimilation it changes into [ш], [шъ] like in the Kabardian language, or labialised [шъу]. For example, *псІашхъуэ* – *псІашъхъуэ*- *псІашъухъуэ* (cf. Leulier *пцаишхуо* „ласточка“ [5:98]).

In the Shapsughe dialect, like in the Bzedughe dialect, augment of the resonant is not represented. Before the front vowels [н], as a rule, is absent in the Shapsughe dialect. It is shown in Leulier's dictionary. Cf:

	Adyghian lit. lang.	Shaps. dial.	Leulier dict.	Russ. lang.
Before д	щэндрыгъуэ	пчэдыгъуэ	пчэдыгъуэ	черешня
Before т	Іэнтэгъу онтэгъу	Іэтэгъу уэтэгъу	этохуо уотоггу	локоть тяжёлый
Before тІ	пхъэнтІэкІу пкІантІэ	пхъэтІэкІу пчІатІэ	пхаток пчяте	скамейка пот

The first Grammar notes of the Adyghian language were written in the first part of XIX century by L. Leulier. He relied on the grammatical structure of the Russian language. That was the cause of singling out in the Adyghian language just the same parts of speech and grammatical categories which are typical for the Russian language. For this reason the structural peculiarities of the Adyghian language in many cases were ignored. The interest to the Leulier's Grammar notes grows because some grammatical peculiarities of the Shapsughe dialect of the Adyghian language of the last epoch found their reflection in them.

In particular, the formant of the instrumental case of nouns is represented by phonetic variant -гъэ // -мгъэ which in other dialects of the Adyghian language became -джэ// -мджэ and -кІэ// -мкІэ.

Adyghian lit. lang.	Shaps. dial.	Leulier dict.	Russ. lang.
сэргчІэ	сэргъэ	сериге	мноий

There is some definite grammatical information about the nouns, adjectives, pronouns, verbs, the participle and the gerund in the Grammar notes. Adverbs and the auxiliary parts of speech practically are not described. The author gives only their definitions.

L. Leulier had some insuperable difficulties, as the Adyghian language differs typologically and structurally from other known to him as the Indo-European languages. Owing to this he was searching for prepositions but instead of them the postposition function in this language. Leulier had no idea about them.

By describing the system of the inflections of the nouns and the pronouns of the Adyghian language the author of the Grammar has borrowed the model of Russian declension. The author of the Grammar paid attention to the divergences in the system of conjugation and formation of the temporal forms of verbs in the Russian language and in the Adyghian language. He singled out five types of conjugation but he didn't give any explanation to them.

It turned out that the syntax of the Adyghian language hadn't been studied. We can judge about the structure of word combinations and sentences of the Adyghian language only using the examples which are given in „The Short Grammar“ and coming from the analysis of the material of the lexical articles.

The value of this lexicographical work is that the linguistic material is given in such volume for the first time. It reflects the state of the Adyghian language in the first part of XIX century. In spite of some inaccuracies and faults, at which Adil-Hirey, P.K. Uslar, I. A. Javakhishvili, Z. I. Kerasheva, A. A. Shaov [newspaper „Caucasus“ №12, 1:83, 6:31, 3:14, 2:10] pointed out, the Leulier's dictionary must be objectively and critically comprehended, appreciated at its true value and used for diachronic investigation of different problems of the Adyghian language.

The Leulier's lexicographical work is the most full source in researching of the Adyghian speech of the first part of XIX century. Lexical peculiarities of the Shapsughe dialect of that epoch (important for the history of the Adyghian language) found their reflection in the dictionary. The dictionary fixed the denomination of the specific object which only the Shapsughe used in winter. It had the name *пцыкъо* „snowshoe“ – an attachment made of wood. It had a shape of a circle with leather straps. It was used for walking on snow [2:118]. There are words in the Shapsughe dialect which are not present in other dialects and in the literary language. They are fixed in Leulier's dictionary. For example *шэхъэ* „hail“, *гьуамэ* „smell“, *кьуасо* „a bucket“, *нэкьыгъ* „a flower“ [5:47, 73, 18, 233], etc. Thanks to Leulier's dictionary, there is a possibility to specify the meaning of the word *цызэ* which is translated by all the dictionaries of modern Adyghian language as „squirrel“. According to Lulier's dictionary, *чьыгьышхьфцыз* should be translated as „squirrel“ and *цызэ* as „marten“.

The dictionary contains the words belonging to gardening and wine-growing on the territory in the Black Sea Region of Shapsughes where Adyghian live. For example, *хэсэльхъэ* „inoculate“, *дамко* „hazel“, *сэнашхъэ гьугъэ* „raisins“ [5:162, 131, 83].

160 years have passed since „The Dictionary of the the Russian-Circassian Languages with a Short Grammar of the latter“ by Leulier was published, but still it attracts a great attention and hasn't lost its value for the history of the language as one of the most important sources of diachronic research of culture and the system of Adyghian language.

The complex analysis of the material of „The Dictionary of the Russian-Circassian or Adyghian Languages with a Short Grammar of the latter“ by Leulier has shown that the Shapsughe dialect has some phonetic, morphological and lexical peculiarities, the study of which has a great theoretical meaning for the history of the Adyghian language.

Literature

Uslar P. K. Ethnography of the Caucasus. T.I. Tiflis, 1887. 120 pp.

Shaov A. A. The basis of the Adyghian Lexicography. Maykop, 1988. 224 pp.

Kerasheva Z. I. The Peculiarities of Shapsughe dialect of the Adyghian language. Maykop, 1957. 148 pp

Balkarov B.X. Phonetics of the Adyghian language. Nalchik, 1970. 334 pp.

Leulier L. U. The Dictionary of the Russian-Circassian or Adyghian Languages with a Short Grammar of the latter. Odessa, 1846. 246 pp

Adil-Hirey. The Dictionary of Russian-Circassian or Adyghian Languages with a Short Grammar of the latter, compiled by Leulier.- Newspaper „Caucasus“, №12. Tbilisi, 1847.

Javakhishvili I. A. Works, X, Primitive system and the kinship of Georgian and Caucasian languages. Tbilisi, 1992, 754 pp.

Ts. B a r a m i d z e (Tbilisi)

**The issues of functioning of Lezgian languages
(history and modern times)**

Traditionally the Caucasus always was an arena of interests and battle of large neighboring countries. During the process of this battle as a result of conquering the Caucasus, disconnection the Caucasian nations and their separating, settling and rooting of foreign ethnoses, deporting and also extinguishing of aborigine nations often were realized.

The Caucasus is characterized by years-old language interaction of paleo-Caucasian, Indo-European, Turkish and Semitic peoples.

The Ibero-Caucasian nations have been living on this territory from immemorial times, others came to the Caucasus in different period of the historical past.

In the paper we will discuss the Lezgian languages belonging to a sub-group of the Daghestanian languages of the Ibero-Caucasian languages family, historical and the modern aspects of a language situation in these languages for which it is necessary to make a little excursus in the remote and recent past.

Migration and language contacts were dissimilar in different epoch. In the latter half of the 20th century new transnational and trans-cultural interrelation were arisen, origination and realization of which are essentially differ from early data. Consequently, the periods of appearing the foreign ethnoses in the Caucasus can be divided into two stages:

1. early stage – from the 5th century to the 18th one;

a) the groups, settled during the conquering war, having come together with conquerors;

b) foreigners, who came to the Caucasus as a result of specificity of their life;

c) refugees who were specially settled by the states conquerors having an aim of realizing purposeful ethnic expansion.

2. latter stage (the 19th-20th cc.) – coming and settling of foreign ethnoses had organized and governed character.

a) the question of settling the „new comers" becomes governed; demographic proportion between „new comers" and „aborigines" was formed, in order to become necessity the intervention of the „third part" for regulating interrelation between these collectives;

b) providing the interests of „new comers" by the „third party" (Russia) which declaratively takes a „weak's" (minority's) side;

c) in the interrelation of „new comers" and „aborigines" social and cultural facts had great importance (it also becomes judicial);

d) contact language of „new comers" and „aborigines" became not the language of a local population, but of the „third party" (Tabidze 2005: 65).

For changing the settling place of ethnoses the government of Tsarskoi Russia successfully used a) war; b) economic and c) religious factors.

For a „war" factor can be considered Russian-Turkish and Russian-Iranian wars during of which and as a result of which a boundary-line of Daghestan was often changed and the population moved practically without control.

During the times, aggressors helped to weakening ethnos aborigines but this process was more purposefully and successfully fulfilled by Russia who could use antinational nature of communistic ideology for ethnic mixing of enslaved Caucasian states in the 20th century and for „Divide et impera" ("Divide and rule").

Language situation in the Lezgian languages is a part of a language policy in the North Caucasus.

Soviet researches „successfully" created new and the newest history of the Caucasus, noting, that the entering Russia in the Caucasus was necessary for rooting Russian civilization in „wild nations". The same historians „contributed greatly" to strengthen neo-colonial Bolshevik thinking.

The Lezgian languages – a sub-group of the Daghestanian languages, are spread in the South regions of Daghestan: Agul, Akhti, Derbeti, Kurakhi, Magaramkent; Ruthul, Suleiman-Stalski, Tabassaran, Khasavurt, Khiv, Charod and the Northern regions of Azerbaijan: Vartashen, Zakatal, Ismaill, Kutkashen, Khachmar. The total number of speakers – more then 500 000 people. ("According to the census of 1989, 466 thousand people living in the South-Easter part of Dagestan and in the North part of Azerbaijan, speak Lezgian" (Gaidarov, Guilmagomedov, ... 2009: 3).

The followings belong to the Lezgian languages: Lezgian, Tabassaran, Agul, Ruthul, Tsakhur, Budukh, Kriz, Arch, Udin and Khinalug languages.

At present the Lezgian languages are compactly spread only in Daghestan and Azerbaijan, also a little number is occur in Georgia, in different parts of Russia, Turkmenistan, Armenia and Ukraine.

Bilingualism – as the most complex and dissimilar social phenomenon, was characteristic for the people speaking Lezgian languages long since. All stages of bilingualism is met: **coordinative** (equal knowledge of both languages, e. g. Tabassaran and Azerbaijanian, Tabassaran and Lezgian...), **subordinative** (non-native language subordinated to native one), **receptive** (a person can understand but can speak badly or can not speak at all), etc. Overwhelming majority speaking two or several languages is characterized by the fact that one (native) language is basic (or the first) for them and the other – the second.

Contacting mixing of bilingualism is a result of joint living on the same territory of the members of majority, economy, economic and cultural contacts between them. Polylinguism is also characteristic for the radical nationality of the Lezgian languages,

they are tri-linguals.

In villages of the smallest languages in the world Archi and Ginukh are situated at the snowy height at the boundary of Georgia. More than 400 people speak the Ginukh language, though the Ginukh population speak four languages – Avar, Tsezian, Russian and most even Bezhtian. The ethnoses taking part in the mentioned process, usually preserve their self-consciousness, traditions and customs.

The major part of Northern Caucasian population among them the Lezgians, speaks not only their native language, but Russian, being basicall and not only means of inter-national relation.

According to the results of micro-register in 1994, 85, 1 per cent of population of the North Caucasus consider their native language of their nationality. A part of population in republics of region consider Russian together with a native language – about 32 per cent (including 29,7 per cent – Russians). Herewith, 4,53 per cent of representatives of non-Russian nationality consider Russian as a native language, 80,6 per cent – as a second language of relation.

In multinational Daghestan (which was recently named „mountain of languages and nations") in science the language of the literary works is „unopened page". These works are created by the representatives of the Daghestanian languages which parallel with the native language know other ones. This was spread in certain outside of Daghestan in the 14th-19th cc. At this time many representatives of its nations wrote and spoke even the Arab, Persian, Turkish languages.

Influence of Russian on Lezgian is difficult and long process. After disintegration of the USSR lawful condition of Russian was changed: it greatly lost the function of an inter-national language and became the language with lowering status – the language of national minority (Abdulova 2007: 34).

E. A. Abdulova notes: „Unfortunately, there are such „thinkers", who urge to tear away native languages from charitable influence of Russian, to move from generally used Cyrillic alphabet to Latin, which will be deterrent of enriching national culture" (Abdulova 2007: 36).

As it is clear, common lowering of role of centralized methods of ruling federal system of education and at the same time increasing the authority of regional educational system, also independence of educational institutions are predicated. Similar changes will ground the necessity of correcting the standard and lawful base of education of Russian Federation. National doctrine of education formulates as a basic task: „preserving and developing educational space of Russia".

Apparently, for preserving and developing common-Russian educational space, regional educational systems must not come in sharp conflict with federal doctrine.

The modern world – this is the moving toward new, more radical phase of globalization and political integration, in which some social priorities are broken, others pretend to global domineering. As a matter of fact, occurring processes actively rub out the boundaries of language and cultural difference of nations.

Owing to such clashes, the situation of the not numerous languages – among

them the Lezgian languages, becomes more troubled. In this case language policy becomes as a factor, which formulates and changes language situation in separate regions and in a country and in the world, as well.

Linguists must take part in social life of minority languages and contribute to supporting. Many problems of international relation and protection of these languages would have been successfully resolved, if each person legislatively recognize priority of the native languages and not the state languages of the title nations. This would allow to remove inequality among bearings the state languages and the languages having no official status.

In the 20s of the 20th century a new language policy was worked out by the Soviet government. This policy was built on formal recognition of complete equality of all languages. Taking part in language building and educational policy, many countries (even not large in number) had possibility to restore or to create written language as a basis for developing the literary language, as a result of what in 30s education in the North- Caucasian regions became massive and popular.

Though latter on deformation in a language policy – forcing of so called internationalism (which in many cases turned as russification), mistaken thesis about two native languages (native language and Russian) and others – provoked massive moving of national schools to Russian education. At the beginning of the 80s education in native language was brought to a stop. From national schools only name was left. In Daghestan a native language was taught as an additional subject and to its teaching was not attracted enough attention.

In the 90s of the 20th century together with reorientation of statehood ("perestroika") a language reform was restored up an energy. The law „Languages of the peoples of USSR", adopted in 1991, 25 October by Sympre Soviet of Russian Federation, determined lawful condition of languages of the nations living in Russia and regulated all basic problems of using the languages on the state territory. The law fixed Russian as a state language on all territory of Russia and the status of other languages was left to judgment of the republics incorporated into Russian Federation. In the middle of 90s of the 20th century practically in all republics the languages of the titled ethnoses, together with Russian, were recognized as the state languages, but this status did not expand an official areal of their functioning. To proclaim for example Lezgian as a state language, is not difficult, but to give equal rights to it as Russian is more difficult.

We represent juridical status of Lezgian according to countries and regions (Written... 2000: 267-285):

Country: Russian

Region: Republic of Daghestan

Language status: state

Status of languages is defined in the Constitution of the Republic of Daghestan (1994): „The state languages of the Republic of Daghestan are Russian and the languages of Daghestanian nations" (p. 10). On the page 31st each person has right of „free choice of a language of contact, upbringing, education and creation".

Year: 1988. Source: Constitution of the Republic of Daghestan.

Commentary: the Law on the languages of Daghestan was not adopted. It exists only in a form of a project. Basically its conception is to recognize equality of all Daghestanian languages (including new-written languages), to give the state supporting to all languages. All written (and new written) languages of the Daghestanian peoples are called state languages.

Fiction is created by bearers of a language. Majority of translations is made from Russian and into Russian. There are also the translations from other languages of Russia, including the languages of Daghestan.

Using a language in religious practice and ideological works. Using a language in religious service, ritual and ceremony.

Russia: Isslam.

A. Sermon: – no, B. Lituurgy: – Yes; C. Education: no (1995).

Commentary: Lately many religious educational institutions were opened in Daghestan (310 schools at Mosque, 115 madrasas, 6 institutes), but Lezgian is used not in one of them. The language is used in religious ceremonies: for presenting condolences, in daily prayings and in similar situations.

Translations of sacred texts: Koran (separate chapters); Gospel from John was translated by ordering of Institute of Bible (Stockholm).

Year: 1988. Commentary: On the pages of newspapers from time to time separate articles of religious character, fragment from Koran are published. On TV representatives of clergies appear with interpretation of Koran, position of Islam, congratulation the holidays. Lately the books were published dedicated to religious theme – basically translations, less – originals.

Canonical texts of Christianity in the muslim religious and cultural areal attract attention of specialists.

Ideological works:

Ideology: communism (50 texts) – 1995. During the Soviet years a large number of texts connected with official ideology was published.

Ideology: Islam (under 20 texts). Exact quantitative information is absent. Islam literature appeared lately (usually translated).

Literature: Source: Daghestanian book publishing-house.

Commentary: In 1991-1994, 18 books under the heading „Children's literature" were published. Data of 1991-1994 is represented in the position „Little prosaic genre" without division into „stories" and „tales".

Well-known narrative prose (level of an elementary school) – total number of texts – 11. Text-books and collections of exercises for the children under school age – 11. Other kinds of well-known prose – 0. Non-narrative prose of high level (level of a secondary school) – 14, text books and collections of exercises for secondary school – 14. Other kinds of prose of higher level – 0. Scientific non-narrative prose (university level) – 0. University text books – 0. Other kinds of scientific prose – 0. Scientific texts are published first of all on the Lezgian linguistic problems.

Periodicals: Lately in Daghestan a large number of newspapers and magazines in basical written languages of the Republic is published, though some newspapers, although they are registrated in the State Press Department of the Republic of Daghestan, in view of insufficiency of financial means actually are not published or they are published several times in a year. For the same reason some newspapers are published within a year and afterwards they are brought to a stop. New publications are replaced. The state department, as a rule, registrate only those publications, edition of which is not less then 1000 copies.

The Lezgian languages belong to these four literary languages of Daghestan in which the most number of periodicals is published. In all, the periodicals are published in nine languages in the republic (including Russian). In regions where several ethnoses live jointly the periodicals can be published in two languages. Republican magazines are published in 5-7 languages. A republican newspaper „Lezgi Gazet" (t. Mahachkala), a regional newspaper „Sadval" ("Unity") (t. Izberbash, in Lezgian and Russian, once or twice in a month), a newspaper „Lezginistandin Khabarar" ("Lezgian News") (t. Izberbash, once in a month), in Akhtin region „Shii Dunia" ("The New World") and others are published.

The Lezgian language is one of the languages among 14 ones, which are functioned in a sphere of education in Daghestan, also it is the language of education among the 8 languages.

In pre-schools, in villages, in-five regions (with Lezgian population) Lezgian is a language of upbringing.. It is used as a language of education in high and national elementary schools (from 1 to 4 forms). In this language education is conducted only in villages, in town schools it is taught as a subject. It is taught as a subject in elementary and secondary schools (from 1 to 4 forms), in pedagogical collages. In those educational institutions, where the language is used as the means of education, it is taught also as a subject, so far as such institutions are either schools or philological faculties of colleges and universities.

At the national elementary schools Lezgian is used as the means of education from 1 to 4 forms. Such schools are situated in villages and in the regions with multinational population.

Lezgian is taught and is the means of education at the Daghestanian State University at the faculty of Daghestanian philosophy, speciality „Russian language and literature, national language and literature" and at the faculty of culture, at the department of „Actor mastership", at the Daghestanian Pedagogical University – at the philosophic faculty, at the Russian-Daghestanian department and at the faculty of elementary forms, speciality „a teacher of elementary forms".

Republic radio broadcasting is constructed according to the following principles: 11 editorial offices; strict definite time is assigned for each language. The broadcasting time in Lezgian is regulated within the Lezgian editorial office according to thematic rubrics.

It is necessary to take into account, that in view of specific etho-language situation in Daghestan (poly-linguality and poly-culturality) many themes are represented in Russian, which is understandable for everyone, e. g.: local news, religious and moral broadcastings, stories about national culture, oriented not only for Lezgian speakers but for all population of Daghestan. Therefore, Russian editorial office of Republic radio is exceptionally connected with regional Daghestanian subjects, including Lezgian. Russian is not only means of contact, but the means of representing the culture to other nations. Thus, the other language (Russian) is the means of representing the national culture. Before the regional stations worked. At present they stopped their activity in connection with financial difficulties.

Television – as a whole volume of a republic broadcasting in the national languages of Daghestan – more than 8 hours in a week (from 1.15 till 2.20 a day). Lezgian is one of the 10 languages (Russian + 9 languages): Lezgian, Avar, Azerbaijanian, Dargva, Kumik, Lak, Nogaian, Russian, Rutul, Tabassaran, Tatan, Chechen (the same situation is in radio broadcasting), in which television broadcasts in Daghestan. During the broadcasting Lezgian occupies noticeable place in republic television.

In contrast to radio broadcasting of Daghestan, where a strict definite time is assigned for each language, working of the Daghestanian television is organized according to thematic principles: each from such thematic editorial offices decides – depending on available material, how to distribute the broadcasting time among different languages, keeping only common proportion.

Relatively not much time of broadcasting in the national languages is explained by the fact, that for television to a greater degree than for radio broadcasting is characteristic the using of Russian during the broadcasting the different plans (announcements, common-Daghestanian news, informational, publicistic, religious-instructive, historical, cultural and others), i. e. in the broadcastings directed practically to all population of the republic, such situation is explained by the fact, that specific cultural and language situation of Daghestan needs a language-mediator, understandable for all multinational population. Just Russian plays such role. Polycultural peculiarity of Daghestan makes a „good“ ground for assimilating of the population.

The first attempt of forming Lezgian amateur theatre applies to 1905. In 1932 central theatre of nations of Daghestan united national studies. Afterwards on their basis professional and people's dramatic theatres were organized. At the beginning of the 20th century performances were staged according to Azerbaijanian and also Russian and Georgian authors. In 1905 the first play of a Lezgian author was staged.

At present Lezgian S. Stalski state drammatcal theatre is situated in t. Derbent. Mainly the plays of Lezgian authors, also translated ones are staged.

Lezgian is not used in central administration, it is used in regional and local administration, in judge – it is not used.

Language rights are guaranteed for citizens by Russian Federation, by the constitution of RF, independently of living place and disposition of judge organs. Also in accordance with Constitution of Daghestan (p. 119) legal procedure in the republic is

conducted in Russian „or in the language of majority of the present locality", and all the members taking part in affairs have right to acquaint with materials of affairs and to make a speech in judge in native language with assignation of a translator. The process can be conducted even in Lezgian, but this happens rare or never.

Legislated organs: Lezgian practically is not used at federal meeting of Russian Federation, though in accordance with federal law „On languages of the nations of RF" (24.07.1998): „...at the meetings of Soviet Federation and State Duma, at committee and commission of chamber, at parliament audition the members of Soviet Federation and deputy of the State Duma have right to make a speech in the state languages of a republic or other languages of nations of RF providing with translation of a speech in the state language of RF, in accordance with regulation of chamber of Federal meetings of RF" (chapter III, item 11.2).

People's meeting of the Republic of Daghestan, legislative organs in the capitals of the republic and in the regional centres, representatives of the republic organs do not use Lezgian either at plenary debates or in recordings of debates, at meetings of committee and in recording accounts of meetings. It is used only in draft law, decrees and other legislative statements.

Lezgian is not used in the sphere of manufacture; traditional spheres of economic activities are limited to contact in the national languages; a native language is not used in the service and commercial spheres (in written advertisements – no, in oral ones – no, in marking of product – no, in instruction of using a product – no, in inner changing of information – notice/bulletin – no, in letters/messages – no, in outer written changing of information of regional government – no, in outer talks of regional government – no.

Thus, the „state" Lezgian language is used in indicated spheres.

Peculiarity of ethno-language situation of Daghestan is its ethnic and language diversity: at present in the Republic of Daghestan 11 written (among them 3 new-written) languages of radical nationality are functioned.

In the multinational Lezgian speaking collective the communication takes place in a native language. During the contact with the members of other nationality Russian is used.

It can be said, that the degree of vitality of Lezgian on the modern stage is not apprehensive and one can say with certainty the stability of using the language in future, but among youth not high level of its using in non-official spheres and in state policy is noticeable.

From the Lezgian languages Tabassaran has the state status and it is used in the same spheres.

Other Lezgian languages are intensively functioned in inter-personal contacts in different spheres: family, daily life, friendly contacts, transport, etc.

Russian has priority in Daghestan and in accordance with federal legislation the norms of its teaching are established (9 hours in a week for learning the Russian language and literature, and 3-4 hours at schools – for a native language). Federal resources are used for learning Russian and republic ones – for the national languages. It is clear

that these resources are not equal. In a word, at schools there is a definite state standart of necessary subjects and a native language is not „entered" in this standart.

Increasing of teaching hours the native language can cause the damage to „basic subjects". It turns out, that parents have to choose those subjects, which are necessary for their children in future and good education must be got in Russian. A native language is not entered the category of „necessary" subjects, as knowing of a native language is unclaimed – this knowledge practically is not used – either in a sphere of national contacts, in bussness, in entrance exams (except philological faculties).

A language situation in Daghestan is characterized by considerable narrowing of functionative sphere of the native languages and their unclaimness. Perspectives of preserving, developing and functioning of a language are mostly deffend on educational process, but in the modern conditions no pedagogical innovation will not prevent the disappearance of the language. A language, the means of communication must have political and social loading and the present problems are within the competence of government, which defines the priorities of national and educational policy of the state and regions.

In the condition of Daghestan language policy must be flexible as much as possible and must support the equality of languages, it must give them opportunity of freely development and function, which supposes to give right to everyone to use its language, to get education in a native language, and this must be just right (provided by juridical and material) and not compulsion. More progressive in the North-Caucasian regions is unilateral national-Russian bilingualism, when the representatives of non-Russian ethnoses know a native language and Russian, but Russians – only Russian. Such unilateral bilingualism can not provide the constant two-sided communication.

The state policy in the sphere of national languages was enough liberal in the 90s of the 20th century. At the same time Russian Federation commit itself to provide with functioning of Russian as a state language. Basic rights and responsibility of creating the conditions for functioning the national languages were completely given to the fellows of RF. But this principle did not take into account some essential moments: Can the republics use these rights in a sufficient measure? Can they have financial, regular and other possibilities for these? Thus, the responsibility for state of the national languages, which underwent essential changes as a results of national-cultural policy, realized at the second half of the 20th century in USSR, was taken upon by the fellows of RF.

Literature

Abdulova 2007 – E. A. Abdulova, "Again on bilingualizm in the north Caucasus", coll." Lingustic Caucasiology and Turkology: traditions and up-to-dateness", Karashaevsk.

Antelava 2007 – E. Antelava, „Caucasus and Russia", v. 1, Tbilisi, 2007 (in Georg.).

Bgazhnokov, Shogenov 1999 – B. Kh. Bgazhnokov, A. A. Shogenov, „Crisis of the national languages in Russia/The languages of the nations of Russia: percpectives of

developing". Materials of the international seminary, Elista, 1999.

Chikobava 1965 – Arn. Chikobava, „History of studying the Ibero-Caucasian languages", Tbilisi, (in. Georg.).

Chikobava 1979 – Arn. Chikobava, „Introduction to the Ibero-Caucasian linguistics", Tbilisi (in Georg.).

Dadov 2007 – I. A. Dadov, "Development of national languages and culture of inter-national relations"

<http://portals.ru>.

Diachkov 1991 – M. V. Diachkov „On the modern views of foreign researchers on the language policy in the USSR/Russian in the USSR", №2.

Ephendiev 1999 – F. S. Ephendiev, „Ethno-culture and national selfconsciousness", Nalchik.

Gaidarov, Guilmagomedov... 2009 – R. I. Gaidarov, A. G. Guilmagomedov, U. A. Meilanov, B. B. Talibov, "The modern Lezgian language", Makhachkala.

Gapirov 1999 – Ia. Z. Gapirov, „Language consciousness as a factor of socialization of personality/The languages of the nations of Russia: perspectives of developing", Materials of the international seminary, Elista.

Gusman-Tirado, Gabunia 2007 – R. Gusman-Tirado, Z. M. Gabunia, „The modern globalization and the problems of not numerous languages in the linguistics of the 21st century", coll. „Linguistic Caucasiology and Turkology: traditions and the present time", Karachaevsk.

Kuzmin, Artemenko 2007 – M. N. Kuzmin, O. I. Artemenko, „The languages of the nations of Russia, their status and position in the educational system", coll. „Linguistic Caucasiology and Turkology: traditions and the present time", Karachaevsk.

Linguistic encyclopaedic dictionary 1990 – Linguistic encyclopaedic dictionary, Moscow, 1990.

Nestiuk 2007 – T. L. Nestiuk, „Law regulation in the sphere of education as a bases of resolving a language situation in the regions of the Russian Federation", coll. „Linguistic Caucasiology and Turkology: traditions and the present time", Karachaevsk.

Sherieva 2008 – Z. Z. Sherieva, „The problems of functioning of the Kabardian and Balkarian languages in KGB", coll. „Actual problems of common and Adyghian philology", materials of the 6th international scientific conference, Maykop.

<http://portatus.ru>

Tabidze 2005 – M. Tabidze, „Language situation in Georgia and the problems of functioning of Georgian", Tbilisi (in Georg.).

Written... 2000 – Written languages of the world: Languages of RF, b1 (in Russ.) Moscow.

Zedelashvili 2005 – S. Zedelashvili, „Institutions of social governing and establishing of territorial-administrative governing by Russia in 60s -70s of the 20th century", Tbilisi (in Georg.).

Ц. Б а р а м и д з е (Тбилиси)

**Вопросы функционирования лезгинских языков
(История и современность)**

Кавказ по традиции всегда представлял арену интересов и борьбы больших соседних стран. В процессе этой борьбы, в целях овладения Кавказом часто осуществлялось разобщение кавказских народов и их разъединение, заселение и укоренение чужих этносов, переселение и, даже часто, исчезновение местных народов.

Кавказ характеризуется многолетним языковым взаимодействием палеокавказских, индо-европейских, тюркских и семитских народов.

Иберийско-кавказские народы проживают на этой территории с незапамятных времен, остальные же проникли на Кавказ в разные периоды исторического прошлого.

В докладе нами будут рассмотрены лезгинские языки, входящие в подгруппу дагестанских языков иберийско-кавказской семьи языков, исторические и современные аспекты языковой ситуации в этих языках, для чего необходимо провести небольшой экскурс в далекое и недавнее прошлое.

Миграции и языковые контакты были неоднозначными в разные эпохи. Во второй половине XX века в мире возникли новые транснациональные и транскультурные взаимоотношения, основы и реализация которых существенно отличаются от ранее известных. Поэтому моменты появления на Кавказе чужих этносов можно разделить на два этапа:

1. Ранняя ступень – с V века по XVIII век.

- а) Группы, заселившиеся во время завоевательских войн, пришедшие вместе с завоевателями;
- б) Чужеземцы, которые попали на Кавказ вследствие специфики их жизни;
- в) Беженцы, которые специально были заселены государствами-завоевателями с целью осуществления целенаправленной этнической экспансии.

2. Поздняя ступень (XIX-XX вв.) – пришествие и заселение чужих этносов приобретает организованный, управляемый характер.

- а) Вопрос заселения «пришельцев» становится управляемым; создаются такие демографические пропорции между «пришельцами» и «местными», чтобы постоянно возникала необходимость вмешательства «третьей сторо-

ны» при урегулировании взаимоотношений между этими коллективами;

б) Обеспечение интересов «пришельцев» берет на себя «третья сторона» (Россия), которая декларативно становится на сторону «слабого» (меньшинства);

в) Во взаимоотношениях «пришельцев» и «местных» все большую значимость получают (в том числе приобретают правовую силу) социальные и культурные факторы;

г) Языком общения «пришельцев» и «местных» становится не язык местного населения, а язык «третьей» стороны (ср. Табидзе 2005, 65).

Для изменения места обитания этносов правительство царской России с успехом использовало: а) военные, б) экономические и в) религиозные факторы.

За «военный» фактор можно принять русско-турецкие и русско-иранские войны, во время которых и в результате которых пограничная полоса Дагестана постоянно менялась, а население передвигалось практически бесконтрольно.

Во все времена агрессоры способствовали ослаблению этносов-аборигенов, однако наиболее целенаправленно, продолжительно и успешно этот процесс осуществлялся Россией, которая уже в XX веке умело использовала антинациональную природу коммунистической идеологии для этнического смешения поработанных государств Кавказа и для «господства путем отключения».

Языковая ситуация в лезгинских языках является частью языковой политики на Северном Кавказе.

Советские исследователи «успешно» сформировали новую и новейшую историю Кавказа, отмечая, что приход России на Кавказ был необходим для внедрения русской цивилизации в «дикие народы». Тем самым историки вносили свой «вклад» в укрепление неокOLONиального большевистского мышления.

Лезгинские языки – подгруппа дагестанских языков – распространены в южных районах Дагестана: Агульском, Ахтынском, Дербентском, Курахском, Магарамкентском, Рутульском, Сулейман-Стальском, Табасаранском, Хасавюртовском, Хивском, Чародинском и северных районах Азербайджана: Варташенском, Закатальском, Исмаиллинском, Куткашенском, Хачмасском. Общее число говорящих – свыше 500 000 человек. (Ср.: "На лезгинском языке, по переписи 1989 года, говорят 466 тысяч человек, населяющих юго-восточную часть Дагестана и северную часть Азербайджана" (Гайдаров, Гюльмагомедов... 2009: 3)).

В состав лезгинских языков входят: лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, будухский, крызский, арчинский, удинский и хиналугский языки.

На сегодняшний день лезгинские языки компактно распространены только в Дагестане и Азербайджане, в то же время в небольших количествах встречаются в Грузии, различных краях России, Туркменистане, Армении и в Украине.

Двуязычие – билингвизм – как весьма сложное и неоднородное социальное явление, было характерно издавна для говорящих на лезгинских языках. Встречаются все степени двуязычия: **координативное** (равное владение двумя языками

ми, например табасаранским и азербайджанским, табасаранским и лезгинским...), **субординативное** (неродной язык подчинен родному), **рецептивное** (человек понимает, но говорит плохо или вообще не говорит) и т. д. В подавляющем же большинстве владение двумя или несколькими языками характеризуется тем, что один (родной) язык у говорящих основной (или первый), а другие – вторые.

Следствием совместного проживания на одной территории представителей множества общностей, хозяйственно-экономических и культурных связей между ними является контактное смешанное двуязычие.

Для коренных народностей лезгинских языков также характерно многоязычие (полилингвизм): они являются трехязычными.

У снежных вершин на границе с Грузией расположены, наверное, самые маленькие в мире селения и языки – Арчи и Гинух. На гинухском языке, функционирующем как бытовой, говорят немногим более 400 человек, однако жители Гинуха владеют четырьмя языками – аварским, цезским, русским, а многие также и бежтинским. Этносы, участвующие в данном процессе, обычно сохраняют свое самосознание, а вместе с тем и традиции, обычаи.

Большинство жителей Северного Кавказа, среди них и лезгины, говорят не только на своем родном, но и на русском языке, являющимся основным, но не единственным средством межнационального общения.

По результатам микропереписи 1994 года, 85,1% населения Северного Кавказа считает родным язык своей национальности. Доля населения в республиках региона с родным русским языком составила в среднем 32% (в том числе 29,7% – русских). При этом среди представителей нерусских национальностей назвали русский язык в качестве родного в среднем 4,53%, а в качестве второго языка общения – 80,6%.

В многонациональном Дагестане (который издавна называли «горой языков и народов»), «нераскрытой страницей» в науке является язык произведений художественной литературы, созданных представителями дагестанских языков, которые, наряду с родным языком, активно владеют и другими. Это было распространено в определенных кругах Дагестана XIV-XIX вв., в тот период многие представители его народов писали и говорили также на арабском, персидском, тюркских языках.

Влияние русского языка на лезгинские представляет сложный и длительный процесс. После распада СССР изменилось правовое положение русского языка: он в значительной мере утратил функцию языка межнационального общения и стал языком с пониженным статусом, а точнее языком национального меньшинства (Абдулова 2007, 34).

Е. А. Абдулова продолжает: «К сожалению, сегодня находятся такие «мыслители», которые призывают отгородить национальные языки от благотворительного влияния русского языка. Имеют место и предложения перейти от общепринятой кириллицы на латиницу, что явилось бы сдерживающим фактором обогащения национальных культур» (Абдулова 2007, 36).

Как видно, прогнозируется общее снижение роли централизованных методов управления федеральной системой образования и одновременно возрастание полномочий региональных образовательных систем, а также самостоятельности самих образовательных учреждений. Подобные изменения обосновывают необходимость корректировки нормативно-правовой базы образования Российской Федерации. Национальная доктрина образования формулирует в качестве основной задачи «сохранение и развитие единого образовательного пространства России».

Очевидно, что для сохранения и развития общероссийского образовательного пространства региональные системы образования не должны вступать в резкие противоречия с федеральной доктриной.

Современный мир – это движение к новой, более радикальной фазе глобализации и политической интеграции, в котором одни общественные приоритеты рушатся, а другие претендуют на глобальное доминирование. В сущности, происходящие процессы активно стирают границы языкового и культурного различия народов, трансформируя традиционные социальные структуры.

В силу таких трендов ситуация с малочисленными языками, в том числе и с лезгинскими языками, оказывается еще более тревожной. В этом случае языковая политика становится фактором, формирующим и изменяющим языковую ситуацию как в отдельных регионах, так и в стране, и в мировом пространстве.

Лингвисты должны включиться в социальную жизнь миноритарных языков и внести свой вклад в их поддержку. Многие проблемы межнациональных отношений и защиты этих языков были бы успешно решены, если бы для каждого человека законодательно признавался приоритет родных языков, а не государственных языков титульных народов. Это позволило бы устранить правовое неравенство между носителями государственных языков и языков, не имеющих официального статуса.

В 20-х гг. XX века Советским государством была выработана новая языковая политика, построенная на формальном признании полного равноправия всех языков. В ходе языкового строительства и образовательной политики многие страны (даже небольшие по численности) получили возможность возродить или создать письменность как основу для развития литературного языка, вследствие чего уже в 30-ые гг. образование в северокавказском регионе стало массовым и доступным.

Однако позже деформация в языковой политике – форсирование так называемой интернационализации (что во многом фактически оборачивалось русификацией), ошибочный тезис о двух родных языках (своего родного и русского) и т. д. – вызвала массовый переход национальных школ на русский язык обучения. К началу 80-ых гг. обучение на родных языках было прекращено. От национальной школы осталось в основном только название. В Дагестане родной язык изучался как дополнительный учебный предмет, и его преподаванию не уделялось должного внимания.

В 90-ые гг. XX века, параллельно с перестройкой государственности на новых федеративных началах стала набирать силу и языковая реформа. Закон «О языках народов РСФСР», принятый 25 октября 1991 года Верховным Советом Российской Федерации, определил правовое положение языков народов, проживающих в России, и регламентировал все основные вопросы использования языков на территории государства. Закон закрепил русский язык в качестве государственного на всей территории России, статус же прочих языков был оставлен на усмотрение республик в составе Российской Федерации. К середине 90-ых гг. XX века практически во всех республиках языки титульных этносов, наряду с русским, были признаны государственными, но этот статус не расширил официального поля их функционирования. Провозгласить государственным языком, например, лезгинский несложно, гораздо труднее уравнивать его в правах с русским.

Представляем юридический статус лезгинского языка по странам и регионам (Письменные языки мира 2000. 267-285):.

Страна: Россия

Регион: Республика Дагестан

Статус языка: государственный

В Конституции Республики Дагестан (1994г.) определяется статус языков: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана» (Ст. 10). В ст. 31 говорится: за каждым человеком признается право «на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества».

Год: 1988. Источник: Конституция Республики Дагестан.

Комментарий. Закон о языках Дагестана не принят. Он существует только в виде проекта. В основе его концепции лежит признание равноправия всех языков Дагестана (включая новописьменные), предоставление государственной поддержки всем языкам. Все письменные (и новописьменные) языки народов Дагестана называются государственными.

Художественная литература создается носителями языка. Большинство переводов делается с русского и на русский язык. Имеются также переводы с других языков России, в том числе и с языков Дагестана.

Использование языка в религиозной практике и идеологических произведениях – Использование языка в религиозных службах, ритуалах и обрядах.

Россия: ислам.

А. Проповедь: нет, В. Литургия/Ритуал: да, С. Обучение: нет (1995г.).

Комментарий. За последние годы в Дагестане открылось много религиозных учебных заведений (310 школ при мечетях, 115 медресе, 6 институтов), но ни в одном из них лезгинский язык не используется. Язык используется в религиозных обрядах: для выражения соболезнования, в ежедневных молитвах и в других подобных ситуациях.

Переводы священных текстов: Коран (отдельные главы); Евангелие от Иоанна переведено по заказу Института Библии (г. Стокгольм).

Год: 1988. Комментарий. На страницах газет и журналов время от времени публикуются отдельные статьи религиозного характера, отрывки из Корана. По телевидению выступают представители духовенства с толкованиями Корана, положений ислама, поздравлениями с праздниками. За последние годы опубликованы книги, посвященные религиозной тематике – в основном переведенные, меньше – оригинальные.

Канонические тексты христианства в мусульманском религиозно-культурном ареале представляют интерес прежде всего для специалистов.

Идеологические произведения:

Идеология: коммунизм (50 текстов) – 1995. За годы Советской власти было выпущено большое количество текстов, связанных с официальной идеологией.

Идеология: ислам (менее 20 текстов). Точные количественные сведения отсутствуют. Исламская литература стала появляться в последние годы (обычно переведенная).

Литература. Источник: Дагестанское книжное издательство.

Комментарий. В 1991-1994гг. было опубликовано 18 книг в рубрике «Детская литература». Данные за 1991-1994гг. представлены в позиции «Малые прозаические жанры», без разделения на «рассказы» и «повести».

Популярная повествовательная проза (уровень начальной школы) – общее количество текстов – 11. Учебники и сборники упражнений для детских дошкольных учреждений и начальной школы – 11. Другие виды популярной прозы – 0. Неповествовательная проза более высокого уровня (уровень средней школы) – 14, учебники и сборники упражнений для средней школы – 14. Другие виды прозы более высокого уровня – 0. Научная неповествовательная проза (университетский уровень) – 0. Университетские учебники – 0. Другие виды научной прозы – 0. Научные тексты публикуются прежде всего по вопросам лезгинского языкознания.

Периодическая печать. В последние несколько лет в Дагестане издается большое количество газет и журналов на основных письменных языках республики, однако некоторые газеты, хотя и проходят регистрацию в Государственном управлении по печати Республики Дагестан, ввиду недостаточности финансовых средств в действительности либо не выходят в свет, либо выходят всего несколько раз в год. По той же причине некоторые газеты издаются в течение года, а затем прекращают свое существование. На смену им приходят новые издания. Государственное управление, как правило, регистрирует только те издания, тираж которых составляет не менее 1000 экземпляров.

Лезгинский язык относится к тем четырем литературным языкам Дагестана, на которых издается наибольшее количество периодической печати. Всего в республике периодика выходит на 9 языках (включая русский язык). В районах совместного проживания нескольких этносов газеты могут издаваться на 2 языках. Республиканские журналы издаются на 5-7 языках. Издается республиканская газета «Лезги газет» (г. Махачкала), районная газета «Садвал» («Единство») (г. Изербаш, на лезгинском и русском языках, один-два раза в месяц), газета «Лез-

гинистандин хабарар» («Новости Лезгистана») (г. Изербаш, один раз в месяц), в Ахтинском районе – Цийи дунья («Новый мир») и др.

Лезгинский язык является одним из 14 языков, которые функционируют в сфере образования в Дагестане, в том числе – одним из 8 языков, используемых в качестве языка обучения.

В детских дошкольных учреждениях, в сельской местности, в пяти районах (с лезгинским составом населения) лезгинский является языком воспитания. Используется как средство обучения в высшей и национальной начальной школе (с 1 по 4 класс). Обучение на языке в школе проводится только в сельской местности, в городских школах он изучается как предмет. Преподается как предмет в начальной и средней школе (с 1 по 4 класс), в педагогических колледжах. В тех учебных заведениях, где данный язык используется как средство обучения, он изучается также и как предмет, поскольку такими заведениями являются либо школы, либо филологические факультеты колледжей и университетов.

В национальной начальной школе лезгинский язык используется как средство обучения с 1 по 4 класс. Такие школы расположены в сельской местности, в районах с многонациональным составом населения.

Лезгинский язык преподается и является средством обучения в Дагестанском государственном университете на факультете дагестанской филологии, специальность «Русский язык и литература, национальный язык и литература» и на факультете культуры, отделение «Актерское мастерство»; в Дагестанском государственном педагогическом университете – на филологическом факультете, русско-дагестанское отделение и на факультете начальных классов, специальность «Учитель начальных классов».

Республиканское радиовещание Дагестана построено по следующему принципу: 11 редакций; каждому языку отводится строго определенное время. Время вещания, отведенное лезгинскому языку, распределяется внутри лезгинской редакции по тематическим рубрикам.

Необходимо учитывать, что ввиду специфической этноязыковой ситуации в Дагестане (многоязычие и поликультурность), многие темы представлены на русском языке, который понятен всем, например, местные новости, религиозно-нравственные передачи, рассказы о национальной культуре, ориентированные не только на носителей лезгинского языка, но и на всех жителей Дагестана. Поэтому русская редакция республиканского радио связана исключительно с региональной дагестанской тематикой, в том числе лезгинской. Русский язык является не только средством общения, но и средством представления своей культуры другим народам. Таким образом, другой язык (русский) является средством представления национальной культуры. Раньше работали и районные станции. В настоящее время они прекратили свою деятельность в связи с финансовыми трудностями.

Телевидение – в целом объем республиканского вещания на национальных языках Дагестана – более 8 часов в неделю (от 1 часа 15 мин. до 2 часов 20 мин. в день). Лезгинский язык является одним из 10 языков (русский + 9 языков): лез-

гинский, аварский, азербайджанский, даргинский, кумыкский, лакский, ногайский, русский, рутульский, табасаранский, татский, чеченский (такое же положение и в радиовещании), на которых ведется телевидение в Дагестане. По времени вещания лезгинский язык занимает заметное место в республиканском телевидении.

В отличие от радиовещания Дагестана, где за каждым языком закреплено строго определенное время, работа дагестанского телевидения организована по тематическому принципу: каждая из таких тематических редакций решает, в зависимости от имеющегося в наличии материала, как распределить время вещания между различными языками, соблюдая только общие пропорции.

Относительно небольшое время вещания на национальных языках объясняется тем, что для телевидения в гораздо большей степени, нежели для радиовещания, характерно использование русского языка в передачах самого различного плана (объявления, общедагестанские новости, информационно-публицистические, религиозно-просветительские, историко-культурные и т. д.). Т. е. такое положение в связи с передачами, адресованными практически всем жителям республики, объясняется тем, что в специфической культурно-языковой ситуации Дагестана требуется язык-посредник, понятный для всего многонационального населения. Роль такого языка и выполняет русский. Многокультурное своеобразие Дагестана создает «хорошую» почву для ассимиляции населения.

Первые попытки создать лезгинский самодеятельный театр относятся к 1905 году. В 1932 году Центральный театр народов Дагестана объединил вокруг себя национальные студии. На их базе в последующие годы были организованы профессиональные и народные драматические театры. В начале XX века ставились спектакли по пьесам азербайджанских, а также русских и грузинских авторов. В 1905 году была поставлена первая пьеса лезгинского автора.

В настоящее время Лезгинский государственный драматический театр им. С. Стальского находится в г. Дербенте. Спектакли ставятся преимущественно по пьесам лезгинских писателей, а также по переведенным пьесам.

Лезгинский язык не используется в центральной администрации, в региональной и местной администрации – используется, в суде – нет.

Языковые права гарантируются всем гражданам Российской Федерации конституцией РФ, независимо от места их проживания и расположения судебных органов. Также, в соответствии с Конституцией Дагестана (ст. 119), судопроизводство в республике ведется на русском языке «или на языке большинства населения данной местности», и всем участвующим в деле предоставляется право ознакомления с материалами дела на родном языке и право выступления в суде на родном языке с предоставлением переводчика. Процесс может проводиться и на лезгинском языке, но такое случается редко, или вообще не бывает.

Законодательный орган: Лезгинский язык практически не используется в Федеральном собрании Российской Федерации, однако, в соответствии с Федеральным законом «О языках народов РФ» (от 24.07.1998г.) «...на заседаниях Совета Федерации и Государственной думы, комитетов и комиссий палат, на парла-

ментских слушаниях члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы вправе выступать на государственных языках республик или иных языках народов Российской Федерации при обеспечении перевода выступления на государственный язык Российской Федерации, в соответствии с регламентами палат Федерального собрания Российской Федерации» (Глава III, статья 11.2).

Народное собрание Республики Дагестан, законодательные органы в столицах республик и центрах регионов, представительные республиканские органы не используют лезгинский язык ни в пленарных дебатах, ни в записи дебатов, ни на заседаниях комитетов, ни в письменных отчетах о заседаниях. Он используется только в законопроектах, декретах и других законодательных актах.

Лезгинский язык не используется в сфере производства; традиционные области хозяйственной деятельности тоже ограниченно обращаются к национальным языкам, не используется родной язык и в сфере обслуживания и торговли (в письменной рекламе – нет, в устной рекламе – нет, в маркировке продукции – нет, в инструкциях по использованию продукции – нет, во внутреннем обмене информацией – объявления/бюллетени – нет, письма/послания – нет, во внешнем письменном обмене информацией с региональным правительством – нет, во внешних разговорах с региональным правительством – нет).

Таким образом, «государственный» лезгинский язык используется в указанных сферах только при устном общении лиц данной национальности.

Особенностью этноязыковой ситуации Дагестана является его этническая и языковая пестрота: в Республике Дагестан в настоящее время функционируют 11 письменных (из них 3 новописьменных) языков коренных национальностей.

В мононациональном лезгинском речевом коллективе коммуникация происходит на родном языке. При общении с лицами другой национальности чаще всего используется русский язык.

Можно сказать, что степень витальности лезгинского языка на современном этапе не внушает опасений, и можно с уверенностью прогнозировать стабильность использования языка в будущем, но среди молодежи наблюдается невысокий уровень его использования в неофициальных сферах общения и в государственной политике.

Из лезгинских языков такой же государственный статус имеет табасаранский язык, который имеет такую же сферу использования.

Остальные лезгинские языки интенсивно функционируют в межличностном общении в различных сферах: семья, быт, дружеское общение, производство, транспорт и т. д.

Приоритетным в Дагестане является русский язык, и по федеральному законодательству устанавливаются нормативы его изучения (9 часов в неделю на изучение русского языка и литературы, а на родной язык – 3-4 часа в школах...). Федеральные средства идут на обеспечение изучения русского языка, а на национальные языки расходуются республиканские средства. Понятно, что эти средства неравноценны. Одним словом, в школах существует определенный государственный

ный стандарт по обязательным предметам, и родной язык в этот стандарт не «вписывается».

Увеличение часов на изучение родного языка может идти в ущерб «основным предметам». Получается, что родители вынуждены выбирать те предметы, которые необходимы детям для дальнейшего образования, а чтобы получить хорошее образование, надо получить его на русском языке. Под категорию «необходимых» предметов родной язык не подпадает, так как знание родного языка остается невостребованным – эти знания практически нигде не применяются, ни в сфере национального общения, ни в делопроизводстве, ни при сдаче вступительных экзаменов (исключением являются филологические факультеты).

Языковая ситуация в Дагестане, характеризующаяся значительным сужением сфер функционирования родных языков и их невостребованностью, значительно повысила роль школы в важном деле сохранения языка. Перспективы сохранения, развития и функционирования языка во многом зависят от образовательного процесса, но в современных условиях никакие педагогические инновации не предотвратят исчезновение языка. Язык, являясь средством коммуникации, должен иметь политическую и общественную нагрузку, и данный вопрос находится в компетенции органов власти, определяющих приоритеты национальной и образовательной политики государства и регионов.

Языковая политика в условиях Дагестана должна быть максимально гибкой и поддерживать равноправие языков, предоставлять возможность свободного их развития и функционирования, что предполагает предоставление каждому права пользования своим языком, получения образования на родном языке, и это должно быть именно право (обеспеченное юридически и материально), а не принуждение. Наиболее прогрессивным в северокавказском регионе является одностороннее национально-русское двуязычие, при котором представители нерусских этносов владеют родным языком и русским, а русские – только русским. Такое одностороннее двуязычие не в состоянии обеспечить постоянную двухстороннюю коммуникацию.

Государственная политика в сфере национальных языков в 90-ых годах XX века была достаточно либеральной. В то же время Российская Федерация взяла на себя обязательства по обеспечению функционирования русского языка как государственного. Основные права и обязанности по созданию условий для функционирования национальных языков были полностью отданы субъектам РФ. Но этот принцип не учитывал некоторых существенных моментов: могут ли республики воспользоваться этим правом в достаточной мере, имеют ли они для этого финансовые, кадровые и другие возможности. Таким образом, ответственность за состояние национальных языков, которые претерпели существенные изменения в результате национально-культурной политики, осуществлявшейся во второй половине XX века в СССР, приняли на себя субъекты РФ.

Литература

Абдулова 2007 – Е. А. Абдулова. Еще раз о двуязычии на Северном Кавказе – сб.: Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность, Карачаевск.

Антелава 2007 – Е. Антелава. Кавказ и Россия, т. 1, Тбилиси (на груз. яз.).

Бгажноков, Шогенов 1999 – Б. Х. Бгажноков, А. А. Шогенов. Кризис национальных языков в России//Языки народов России, перспективы развития. Материалы международного семинара, Элиста.

Гайдаров, Гюльмагомедов... 2009 – Р. И. Гайдаров, А. Г. Гюльмагомедов, У. А. Мейланов, Б. Б. Талибов. Современный лезгинский язык, Махачкала.

Гапиров 1999 – Я. З. Гапиров. Языковое самосознание как фактор социализации личности//Языки народов России: перспективы развития. Материалы международного семинара, Элиста.

Гусман-Тирадо, Габуниа 2007 – Р. Гусман-Тирадо, З. М. Габуниа. Современная глобализация и проблемы малочисленных языков в лингвистике XXI века – в сб. Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность, Карачаевск.

Дадов 2007 – И. А. Дадов. Развитие национальных языков и культура межнациональных отношений.

<http://portalus.ru>

Дьячков 1991 – М. В. Дьячков. О современных взглядах зарубежных ученых на языковую политику в СССР//Русский язык в СССР, №2.

Эфендиев 1999 – Ф. С. Эфендиев. Этнокультура и национальное самосознание, Нальчик, Эль-Фа.

Зеделашвили 2005 – С. Зеделашвили. Институты общественного правления и установление территориально-административного правления России в 60-70 годах XX века, Тбилиси (на груз. яз.).

Нестюк 2007 – Т. Л. Нестюк. Правовое регулирование в области образования как основа решения языковой ситуации в регионах Российской Федерации – сб. Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность, Карачаевск.

Кузьмин, Артеменко 2007 – М. Н. Кузьмин, О. И. Артеменко. Языки народов России, их статус и положение в системе образования – сб. Лингвистическое кавказоведение и тюркология: традиции и современность, Карачаевск.

Табидзе 2005 – М. Табидзе. Языковая ситуация в Грузии и вопросы функционирования грузинского языка. Тбилиси (на груз. языке).

Шериева 2008 – З. З. Шериева. Проблемы функционирования кабардинского и балкарского языков в КБР – сб. Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы VI международной научной конференции, Майкоп.

<http://portalus.ru>

Чикобава 1979 – Арн. Чикобава. Введение в иберийско-кавказское языкознание, Тбилиси (на груз. языке).

Чикобава 1965 – Арн. Чикобава. История изучения иберийско-кавказских языков, Тбилиси (на груз. яз.).

Лингвистический энциклопедический словарь 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь, Москва.

Письменные языки мира 2000 – Письменные языки мира (Языки Российской Федерации, книга 1), Москва.

ც. ბ ა რ ა მ ი ძ ე (თბილისი)

ლეზგიურ ენათა ფუნქციონირების საკითხები
(ისტორია და თანამედროვეობა)

რ ე ზ ი უ მ ე

კავკასია ტრადიციულად წარმოადგენდა დიდი ქვეყნების ინტერესთა და ბრძოლის არენას. კავკასიის დაპყრობის მიზნით წარმოებული ამ ბრძოლების დროს ხშირად ხდებოდა კავკასიელი ხალხების გაყოფა-გახლეჩა, უცხო ეთნოსთა ჩამოსახლება, გადასახლება და, ასევე, ადგილობრივი ხალხების გაქრობაც კი.

კავკასია ხასიათდება პალეოკავკასიური, ინდოევროპული, თურქული და სემიტური ხალხების მრავალსაუკუნოვანი ენობრივი ურთიერთობებით. იბერიულ-კავკასიური ხალხები ცხოვრობენ ამ ტერიტორიაზე უხსოვარი დროიდან, დანარჩენები კი კავკასიაში ისტორიული წარსულის სხვადასხვა დროს მოვიდნენ აქ. მიგრაციები და ენობრივი კონტაქტები სხვადასხვა ეპოქაში არაერთგვაროვანი იყო. მოხსენებაში განხილულია ენობრივი კონტაქტების სახეები ძველად და ახლა ლეზგიურ ენათა მონაცემების მიხედვით.

XIX საუკუნიდან ლეზგიურ ენათა ენობრივი პოლიტიკა, ისევე, როგორც მთლიანად დაღესტანში, იყო და რჩება ცალმხრივი.

რუსიფიკაციისა და ასიმილაციის პროცესში ეს ეთნოსები არ მმართვედნენ და არც შეეძლოთ მიემართათ რაიმე ორგანიზებული საშუალებებისათვის თავიანთი ენობრივი უფლებების დასაცავად. ენობრივი სიტუაცია ლეზგიურ ეთნოსებში ჩრდილოეთ კავკასიაში გატარებული ერთიანი ენობრივი პოლიტიკის ნაწილია.

XX საუკუნის ოციან წლებში საბჭოთა ხელისუფლებამ შეიმუშავა ახალი ენობრივი პოლიტიკა, რომელიც აგებული იყო ყველა ენის სრული თანასწორუფლებიანობის ფორმალური აღიარების პრინციპზე. ენობრივი „მშენებლობის“ დროს საგანმანათლებლო პოლიტიკით მრავალმა ქვეყანამ (მათ შორის მცირერიცხოვანმა ერებმაც) მიიღო საკუთარი ენის აღორძინების, დამწერლობის შექმნისა და ლიტერატურული ენის განვითარების შესაძლებლობა, რის შედეგადაც უკვე 30-იან წლებში ჩრდილოეთ კავკასიაში განათლება ყველასათვის ხელმისაწვდომი და მასობრივი გახდა. ოღონდ ცოტა მოგვიანებით ენობრივ პოლიტიკაში გატარებულმა დეფორმაციამ – ე. წ. ინტერნაციონალიზაციის (რომელიც უმეტეს შემთხვევაში, რუსიფიკაციას წარმოადგენდა) ფორსირებამ ორი მშობლიური ენის შესახებ შექმნილმა მცდარმა თეზისმა (რუსულიც მშობლიურია) და ა. შ. გამოიწვია ნაციონალური სკოლების რუსული ენით სწავლებაზე გადაყვანა. 80-იან წლებში მშობლიურ ენებზე სწავლება შეწყდა. XX საუკუნის 90-იან წლებში „პერესტროიკის“ პარალელურად ახალი ენობრივი რეფორმა დაიწყო რუსეთის ფედერაციაში. კანონმა გაამყარა რუსული ენის, როგორც სახელმწიფო ენის, უფლებები რუსეთის მთელ ტერიტორიაზე, დანარჩენი ენების სტატუსი კი რუსეთის ფედერაციაში შემავალი რესპუბლიკების შეხედულებისამებრ უნდა გადაწყვეტილიყო. 90-იანი წლების შუაში პრაქტიკულად ყველა რესპუბლიკაში ტიტულის მქონე ენები რუსულთან ერთად მიხნეულ იქნა სახელმწიფო ენებად, მაგრამ ამ სტატუსს არ გაუფართოებია ხსენებულ ენათა ფუნქციონირების არეალი.

მოსხენებაში განხილულია ლეზგიურ ენათა იურიდიული სტატუსი და მისი რეალიზაციის შესაძლებლობები ყველა სფეროში, ლეზგიურ ენათა სიცოცხლისუნარიანობის ხარისხი და პერსპექტივები.

ნ. ბ ე პ ი ე ვ ი (თბილისი)

**პირისა და კუთვნილებით ნაცვალსახელთა
თანხვედრა ოსურში**

ოსურში გამოყოფენ პირის ნაცვალსახელების სამ ფორმას:

1. სრული აზ – მე, ды – შენ, уый – ის; мах – ჩვენ, сымах – თქვენ, уыдон – ისინი;

2. მოკლე (ენკლიტიკური) ма (ჩემი), да (შენი), йа (მისი); на (ჩვენი), уа (თქვენი), са (მათი);

3. უკუქცევითი-პირისა махæдæг (მე თვითონ), дахæдæг (შენ თვითონ), йæхæдæг (ის თვითონ); нахæдæг (ჩვენ თვითონ), уæхæдæг (თქვენ თვითონ), сахæдæг (ისინი თვითონ). (აბაევი 1970, 576-580; ოსური ენის გრამატიკა 1963, 170).

არსებობს სხვა მოსაზრებაც: „პირის ნაცვალსახელებს აქვთ ორი ფორმა: სრული და მოკლე, ენკლიტიკური ფორმა“ (მედოევი 2003, 130). რაც შეეხება მესამე ფორმას, ის ბ. მედოევს ცალკე გამოყოფილი აქვს როგორც გაძლიერებითი ნაცვალსახელები. აღნიშნულია, რომ გაძლიერებითი ნაცვალსახელები იწარმოება პირის ნაცვალსახელის ენკლიტიკურ ფორმაზე ნაცვალსახელი ხæдæг (თვითონ) ან მისი მრავლობითის хуыдтæг ფორმის დართვით: нахæдæг – нахуыдтæг, уæхæдæг – уæхуыдтæг; сахæдæг – сахуыдтæг (მედოევი 2003, 136).

აქვე ისიც უნდა აღვნიშნოთ, რომ საერთოდ კუთვნილებითი ნაცვალსახელები ზოგიერთ მეცნიერს (მედოევი 2003, 126-150) ცალკე ჯგუფად არ აქვს გამოყოფილი. ამის მიზეზად, ვფიქრობთ, იმას მიიჩნევენ, რომ პირის ნაცვალსახელები ნათესაობით ბრუნვაში იძენენ კუთვნილებითის ფორმასა და ფუნქციას.

სახ. აз – მე ды – შენ уый – ის

ნათ. маӊ – ჩემ, ჩემი дау – შენ, შენი уый – მის, მისი

Маӊ тыххæй хыл кодтой – ჩემ გამო ჩხუბობდნენ

Маӊ у ацы хадзæр – ჩემია ეს სახლი

Дау тыххæй рцыдтæн	– შენ გამო მოვედი
Дау у ацы чиныг?	– შენია ეს წიგნი?
Уый фæстæ никæй бауæрзтон	– მის შემდეგ აღარავინ შემყვარებია
Уый чиныг у	– მისი წიგნია

ასეთივე თანხვედრა პირის ნაცვალსახელთა მოკლე (ენკლიტიკური) ფორმებისა (**мæ** – ჩემ, ჩემი; **дæ** – შენ, შენი; **уый** – მის, მისი) და მრავლობითი რიცხვის წარმოებისას.

ეს არ იძლევა იმის უფლებას, რომ კუთვნილებითი ნაცვალსახელი ცალკე ჯგუფად არ გამოიყოს. სამართლიანად შენიშნავდა აკად. ვ. აბაევი: «Поскольку притяжательные местоимения формально не обособлены от личных, совпадая с родительным падежом последних, может встать вопрос о целесообразности их выделения в особую категорию. Если бы притяжательность была единственной функцией родительного падежа местоимений, отделение притяжательных местоимений от личных было бы действительно мало оправдано (აბაევი 1970, 582).»

პირისა და კუთვნილებითი ნაცვალსახელების ბრუნვაში თანხვედრა შეუნიშნავს ნ.ხ.კულაევს: Возвратно-притяжательные (совпадающие с формой родительного падежа определенно-личных местоимений), обозначают принадлежность (ოსური ენის გრამატიკა 1963, 171). მაგრამ ამ საკითხზე მეტი არაფერია ნათქვამი.

ოსურ ენაში კუთვნილებითი ნაცვალსახელები, ზოგიერთი სხვა ენისაგან განსხვავებით, ერთი თავისებურებითაც გამოირჩევა. სახელთა ზოგიერთი კატეგორია აუცილებლად მოითხოვს კუთვნილებითი ნაცვალსახელების თანდართვას. ასეთებია ადამიანის სხეულის ნაწილები, ნათესაობის აღმნიშვნელი ტერმინები და სხვ (აბაევი 1970, 576-580).

მაგ.: ოსურში ვერ ვიტყვით ასე – ხელი ვიტკინე. აქ აუცილებელია ჩავრთოთ კუთვნილებითი ნაცვალსახელი ჩემი. **Æз мæ къух ныщавтон** – მე ჩემი ხელი ვიტკინე. ასევე ვერ ვიტყვით კუთვნილებითი ნაცვალსახელის (ჩემის) გარეშე – ხელი ჩამოვართვი. ოსურში ვამბობთ – მე ჩემი ხელი ჩამოვართვი – **Æз мæ къух райстон**.

ოსურში ვერ ვიტყვით, ის დედასთან და მამასთან ცხოვრობს. აქ აუცილებელია დავიხმართო კუთვნილებითი ნაცვალსახელები. **Йæ фыд æмæ йæ мадимæ цæры** – თავის დედასთან და თავის მამასთან ცხოვრობს (აბაევი 1970, 582).

ამდენად, სრულიად საფუძვლიანად მიგვაჩნია ვ. აბაევის მიერ კუთვნილებითი ნაცვალსახელების ცალკე ჯგუფად გამოყოფა. ეს მიდგომა ადრე გამოცემულ ოსურ სასკოლო სახელმძღვანელოებშიც აისახა (გაბარაევი 1987, 105).

ჩვენ ამჯერად შევჩერდებით მრავლობითი რიცხვის პირის ნაცვალსახელებისა და კუთვნილებითი ნაცვალსახელების ზოგიერთ თანხვედრაზე.

პირის ნაცვალსახელები:

მხ. რიცხვი	მრავლ. რიცხვი
æз (მე)	мах (ჩვენ)
ды (შენ)	сымах (თქვენ)
уый (ის)	уыдон (ისინი)

მათი ბრუნება თავისებურია. პირველი პირის ნაცვალსახელი **æз** (მე) სახელობითში ერთი ფუძით არის წარმოდგენილი, დანარჩენ ბრუნვებში (მხოლოდობით რიცხვში) კი სუპლექტურად არის წარმოდგენილი (**мæн, мæнæн..**).

პირის ნაცვალსახელები მრავლობით რიცხვში სახელობითსა (Номон) და ნათესაობით (Гуырынон) ბრუნვებში ერთნაირი ფუძით არის წარმოდგენილი:

სახ. **мах сымах уыдон**

ნათ. **мах сымах уыдон**

Мах хабарæн ницы зонæм “ჩვენ ამ საქმისა არაფერი ვიცით”. . .

რაც შეეხება კუთვნილებით ნაცვალსახელებს, ოსურში გამოყოფენ ხუთ ფორმას:

1. მოკლე (**мæ**)
2. სრული (**мæн**)
3. უკუქცევით-კუთვნილებითი (**мæхи**)
4. სრული სუბსტანტიური
5. სუბსტანტიური უკუქცევით-კუთვნილებითი.

ჩვენ შევეხებით მხოლოდ პირველ სამ ფორმას (მეოთხე და მეხუთე ფორმას აქვს სუბსტანტიური ფუნქცია და როგორც არსებითი სახელები, ისე იბრუნვიან: **мæнон, мæноны... мæнуæттæ, мæнуæтты ...**).

აქ აღსანიშნავია თანხვედრა პირისა და კუთვნილებითი ნაცვალსახელებისა, რაც ასე გამოიხატება:

1. კუთვნილებითი ნაცვალსახელების მოკლე ფორმა ემთხვევა პირის ნაცვალსახელების ენკლიტიკურ ფორმას ნათესაობით ბრუნვაში:

мæ ჩემი	нæ ჩვენი
дæ შენი	уæ თქვენი
йæ მისი	сæ მათი

ერთი მხრივ გვაქვს:

Мæ чызг у	ჩემი გოგოა
Нæ чызг у	ჩვენი გოგოა
Дæ чызг у	შენი გოგოა
Уæ чызг у	თქვენი გოგოა

მეორე მხრივ:

Мæ чызджы	ჩემს გოგოს
Нæ чызджы	ჩვენს გოგოს
Дæ чызджы	შენს გოგოს
Уæ чызджы	თქვენს გოგოს

Йæ чызг у მისი გოგოა **Йæ** чызджы მის გოგოს
Сæ чызг у მათი გოგოა **Сæ** чызджы მათ გოგოს

2. კუთვნილებითი ნაცვალსახელის სრული ფორმა ემთხვევა ასევე პირის ნაცვალსახელების ენკლიტიკურ ფორმას ნათესაობით ბრუნვაში:

мæн ჩემი **мах** ჩვენი
дæу შენი **сымах** თქვენი
уый მისი **уыдон** მათი

კითხვაზე: ვის გამო ჩხუბობენ? უპასუხებენ – **мæн** тыххæй – ჩემ გამო (პირის ნაცვ.)

კითხვაზე: ეს საქონელი ვისია? უპასუხებენ – **ман** у – ჩემია (კუთვ. ნაცვ.)

ასევეა მეორე და მესამე პირშიც: შენ ვინ გკითხავს? **дæу** (პირის ნაცვ.) чи фарсы? შენია ეს წიგნი? **дæу** (კუთვ. ნაცვ.) у ацы чиныг?

სახლში თქვენ იყავით? хадзæры **сымæх** (პირის ნაცვ.) уыдыстут?

სახლი თქვენია? хадзæр **сымæх** у (კუთვ. ნაცვ.)

და ა. შ.

3. უკუქცევით-კუთვნილებითი ფორმა ემთხვევა პირის ნაცვალსახელების უკუქცევით ფორმას მოთხრობით ბრუნვაში.

мæхи ჩემი **нæхи** ჩვენი
дæхи შენი **уæхи** თქვენი
йæхи მისი **сæхи** მათი

პირველი (მოკლე) ფორმა მხოლოდ ატრიბუტის ფუნქციით იხმარება და არ იცვლება ბრუნების დროს:

мæ чиныг ჩემი წიგნი

мæ чиныгы ჩემი წიგნის

ასევე არ იცვლება მეორე და მესამე პირის ფორმები, რომლებსაც ატრიბუტული და პრედიკატული ფუნქცია აქვთ (აბაევი 1970, 581).

мах чиныг ჩვენი წიგნი

ацы чиныг **мах** у ეს წიგნი ჩვენია

нæхи чиныг ჩვენი საკუთარი წიგნი

ацы чиныг **нæхи** у ეს ჩვენი საკუთარი წიგნია

აქვე უნდა შევნიშნოთ: მართალია, **мæн** ჩემ-ს აღნიშნავს, მაგრამ ის დიგორულ დიალექტში იხმარება ამ ფორმით, ლიტერატურული კი ატრიბუტივად გამოიყენება და მოკლე ფორმით შეეწყობა მსაზღვრელს:

mae დიდინაეგ	ჩემი ყვავილი
აი mae დიდინაეგ у	ეს ჩემი ყვავილია მაგრამ
აцы дидинаег maen у	ეს ყვავილი ჩემია

რაც შეეხება სრული ფორმის პირის ნაცვალსახელებს მრავლობით რიცხვში, ისინი აბსოლუტურად იდენტურნი არიან სრული ფორმის კუთვნილებითი ნაცვალსახელებისა:

max ацыдыстам	ჩვენ წავედით
сымах ацыдыстут	თქვენ წახვედით
уыдон ацыдысты	ისინი წავიდნენ

max хæдзар	ჩვენი სახლი
сымах хæдзар	თქვენი სახლი
уыдон хæдзар	მათი სახლი

ოსურში ბგერითი თანხვედრის გამო არ განირჩევა პირისა (მრავლობითი რიცხვის მოთხრობით ბრუნვაში) და კუთვნილებითი ნაცვალსახელები.

უნდა განვასხვაოთ ასეთი სახის პირისა და კუთვნილებითი ნაცვალსახელები ერთმანეთისაგან. თუ ნაცვალსახელები **max** зарæм (ჩვენ ვმდერთ), **сымах** зарут (თქვენ მდერთ), **уыдон** зарынц (ისინი მდერიან) ახლავს ზმნას, პირის ნაცვალსახელებია (სრული ფორმის), ხოლო თუ ისინი პრედიკატივის ფუნქციას ასრულებენ **max** зарæг (ჩვენი სიმღერა), **сымах** зарæг (თქვენი სიმღერა), **уыдон** зарæг (მათი სიმღერა) – კუთვნილებითი ნაცვალსახელებია (უკუქცევითი ფორმის).

ამრიგად, ოსურში დასტურდება ნაცვალსახელთა ფუნქცია – გამოხატოს კუთვნილება. ამიტომ მიგვაჩნია, რომ კუთვნილებითი ნაცვალსახელი ცალკე ჯგუფად უნდა გამოიყოს, როგორც ეს ჰქონდა აკად. ვ. აბაევს.

ამასთანავე, საჭიროა ოსურში გაიმიჯნოს პირისა და კუთვნილებითი ნაცვალსახელები. მიუხედავად იმისა, რომ ნათესაობით ბრუნვაში პირისა და კუთვნილებით ნაცვალსახელებს ერთნაირი ბგერითი შედგენილობა აქვთ, რაც იწვევს აზრთა სხვადასხვაობას, ეს მაინც არ გვაძლევს მათი გაერთიანების საფუძველს. მათი ერთმანეთისაგან განსასხვავებლად საკმარისია დავაკვირდეთ, თუ რა მეტყველების ნაწილს ახლავს ეს ნაცვალსახელი – ზმნას თუ სახელს. თუ ნაცვალსახელი ახლავს ზმნას, ის პირისაა (**max** зарæм – ჩვენ ვმდერთ), ხოლო თუ ახლავს სახელს – კუთვნილებითია (**max** зарæг у – ჩვენი სიმღერა).

ლიტერატურა

აბაევი 1970 – В. И. Абаев, Краткий грамматический очерк осетинского языка: В книге Осетинско-русский словарь, Орджоникидзе, 1970

ბაგაევი 1965 – Багаты Н., Ирон æвзаджы грамматикаæ, 1 хай, Цхинвал, 1965

გაბარაევი 1987 – Гæбæраты Н. Я., Ирон ывзаг, Ахуыргæнæн чиныг 5-6 кълæстæн, Цхинвал, 1987

მედლევი 2003 – Медойты Б. Г., Нырыккон ирон æвзаг морфологи, Цхинвал, 2003

ოსური ენის გრამატიკა 1963 – Грамматика осетинского языка, под редакцией проф. Г. С. Ахвледиани, т. 1, Орджоникидзе, 1963; т.2, 1969

Н. Б е п п и е в а (Тбилиси)

**Личные и притяжательные местоимения
в осетинском языке**

В осетинском языке выделяют три вида личных местоимений:

1. Полные: **æз- я, ды-ты, уый-он, мах-мы, сымах-вы, уыдон-они**;
2. Краткие: (энклитические) **мæ** (мой), **дæ** (твой), **йæ** (его), **нæ** (наш), **уæ** (ваш), **сæ** (их);
3. Возвратно-притяжательные **мæхæдæг** (я сам), **дæхæдæг** (ты сам), **йæхæдæг** (он сам), **нæхæдæг**: (мы сами), **уæхæдæг** (вы сами), **сæхæдæг** (они сами). (Абаев 1970, 576-580; Грамматика осетинского языка 1963, 170).

Существует и другое предположение: «У личных местоимений есть две формы: полная и краткая, энклитическая форма» (Медойты 2003, 130). Что касается третьего вида, то он у Б.Г. Медоева выделяется отдельно как усилительные местоимения. Отмечено, что усилительные местоимения происходят от энклитической формы личных местоимений присоединением местоимения **хæдæг** (сам) или его множественного числа **хуыдтæг**: **нæхæдæг-нæхуыдтæг**, **уæхæдæг-уæхуыдтæг**; **сæхæдæг-сæхуыдтæг** (Медойты 2003, 136).

Здесь необходимо отметить, что притяжательные местоимения некоторыми учеными (Медойты 2003, 126-150) не выделяются в качестве отдельной группы. Причиной этого, по нашему мнению, является то, что форма родительного падежа личных местоимений совпадает с формой притяжательных местоимений и выступает в той же функции.

Им.	æз- я	ды- ты	уый-он
Род.	мæн-мой	дæу-твой	уый-его

Мæн тыххæй хыл кодтой – из-за меня поругались

Мæн у ацы хæдзар – это мой дом

Дæу тыххæй рацыдтæн – из-за тебя пришел

Дæу у ацы чиныг? – это твоя книга?

Уый фæстæ никæй бауарзтон – после него никого не полюбила

Уый чиныг у – его книга.

Такое совпадение форм наблюдается также и при образовании кратких (энклитических) форм (**мæ** – мой, **дæ** – твой, **уый** – его) и множественного числа личных местоимений в целом.

Это не дает права не выделять притяжательные местоимения в отдельную группу. Обоснованным видится мнение акад. В.И. Абаева: «Поскольку притяжательные местоимения формально не обособлены от личных, совпадая с родительным падежом последних, может встать вопрос о целесообразности их выделения в особую категорию. Если бы притяжательность была единственной функцией родительного падежа местоимений, отделение притяжательных местоимений от личных было бы действительно мало оправдано» (Абаев 1970, 582). Совпадение падежных форм личных и притяжательных местоимений заметил Н.Х. Кулаев: «Возвратно-притяжательные (совпадающие с формой родительного падежа определенно-личных местоимений), обозначают принадлежность» (Грамматика осетинского языка 1963, 171). К сожалению, по этому вопросу больше ничего не сказано.

В осетинском языке притяжательные местоимения, в отличие от некоторых других языков, характеризуются одной особенностью. Некоторые категории имен обязательно требуют добавления притяжательных местоимений. К таким категориям имен относятся слова, обозначающие части тела (человека) и термины, обозначающие родство и некоторые другие слова (Абаев 1970, 576-580), напр., в осетинском нельзя сказать – поранил руку. Здесь необходимо использовать притяжательное местоимение **мой**: *Æз маæ къух ныццавтон* – я поранил **свою** (досл. **мою**) руку. Также нельзя без притяжательного местоимения сказать – пожал руку: поосетински говорим – *Æз маæ къух райстон* «я **свою** (досл. **мою**) руку пожал». Поосетински не скажешь – он живет с отцом и матерью. Здесь также необходимо использовать притяжательное местоимение: *Йæ фыд æмаæ йæ мадимæ цары* «живет со своей матерью и со своим отцом» (Абаев 1970, 582).

Нам представляется обоснованным выделение В.И. Абаевым притяжательных местоимений в качестве отдельной группы. Такой подход был принят и в выпущенных ранее учебных пособиях по осетинскому языку (Габараты 1987,105).

Мы на этот раз остановимся на некоторых случаях совпадения личных и притяжательных местоимений множественного числа.

Личные местоимения:

ед. число	мн. число
æз (я)	мах (мы)
ды (ты)	сымах (вы)
уый (он)	уыдон(они)

Их склонение своеобразно. Личное местоимение æз (я) в именительном представлено одной основой, а в остальных падежах (в ед. числе) представлено супплетивными основами (мæн, мæнæн...).

Личные местоимения во множественном числе, в именительном (номон) и родительном (гуырынон) падежах представлены одной основой:

Им.	мах	сымах	уыдон
Род.	мах	сымах	уыдон

Мах хабарæн ницы зонаем «Мы по этому делу ничего не знаем»...

Что касается притяжательных местоимений, в осетинском выделяют пять видов:

1. краткий (мæ)
2. полный (мæн)
3. возвратно-притяжательный (мæхи)
4. полный субстантивный
5. субстантивный возвратно-притяжательный

Мы коснемся только первых трех видов (четвертый и пятый вид выступают в качестве субстантивов и склоняются соответственно: мæнон, мæноны... мæнæуттæ, мæнуæтты...)

Здесь необходимо отметить совпадение личных и притяжательных местоимений, что выражается в следующем:

1. Краткая форма притяжательных местоимений совпадает с личными краткими местоимениями в форме родительного падежа:

мæ – мой	нæ – наш
дæ – твой	уæ – ваш
йæ – его	сæ – их

С одной стороны мы имеем:

мæ чызг у – моя дочь
нæ чызг у – наша дочь
дæ чызг у – твоя дочь
йæ чызг у – ее дочь
сæ чызг у – их дочь

С другой стороны:

мæ чызджы – моей дочери
нæ чызджы – нашей дочери
твоей дочери – твоей дочери
йæ чызджы – ее дочери
сæ чызджы – их дочери

2. Полная форма притяжательных местоимений совпадает с личными энклитическими местоимениями в форме родительного падежа:

мæн – мой	мах – наш
дæу – твой	сымах – ваш
уый – его	уыдон – их

На вопрос: из-за кого дерутся? Ответят – **мæн** тыххæй «из-за **меня**» (личн. мест.)

На вопрос: этот товар чей? Ответят – **мæн** у «**мой**» (притяж. мест.)

Также во втором и в третьем лице: тебя кто спрашивает? дæу «ты» (личн. мест.); чи фарсы? твоя эта книга? дæу «твоя» (притяж. мест.); у ацы чиныг? дома вы были? хæдзары сымах (личн.мест.) уыдыстут? дом ваш? хæдзар сымах у (притяж. мест.) и т. д.

3. Возвратно-притяжательные местоимения совпадают с личными местоимениями возвратного вида в форме родительного падежа.

мæхи – мой нæхи – наш
дæхи – твой уæхи – ваш
йæхи – его сæхи – их

Первая (краткая) форма применяется только с атрибутивной функцией и не склоняется:

мæ чиныг – моя книга
мæ чиныгы – в моей книге

Также не меняются формы второго и третьего лица, у которых имеется атрибутивная или предикативная функция (Абаев 1970, 581):

мах чиныг – наша книга
ацы чиныг мах у – эта книга наша
нæхи чиныг – наша личная книга
ацы чиныг нæхи у – это наша личная книга

Здесь необходимо отметить, что форма мæн обозначает мой//я//е, но эта форма употребляется только в дигорском диалекте, в литературном же используется краткая форма, которая в качестве атрибута присоединяется к определяемому.

Мæ дидинаг – мой цветок
Ай мæ дидинаг у – это мой цветок

Но:

Ацы дидинаг мæн у – этот цветок мой

Что касается полной формы личных местоимений во множественном числе, то они абсолютно идентичны с полной формой притяжательных местоимений:

Мах ацыдыстæм – мы ушли
Сымах ацыдыстут – вы ушли
Уыдон ацыдысты – они ушли
Мах хæдзар – наш дом
Сымах хæдзар – ваш дом
Уыдон хæдзар – их дом

В осетинском языке формы личных (множественного числа в родительном падеже) и притяжательных местоимений фонетически совпадают.

Как отличить личные и притяжательные местоимения друг от друга? Если местоимения сопровождается глагол, то мы имеем личные местоимения (полного вида), напр., *мах зарæм* (мы поем), *сымах зарут* (вы поете), *уыдон зырынц* (они поют); если же они выполняют предикативную функцию, то это притяжательные местоимения (возвратной формы), напр., *мах зарæг* (наша песня), *сымах зарæг* (ваша песня), *уыдон зарæг* (их песня).

Таким образом, в осетинском языке подтверждается функция местоимений – выражение принадлежности. Поэтому эта группа местоимений должна рассматриваться как отдельная группа притяжательных местоимений, как это и было указано акад. В. И. Абаевым.

Вместе с тем необходимо размежевать личные и притяжательные местоимения в осетинском языке. Несмотря на то, что в родительном падеже личные и притяжательные местоимения отличаются звуковой тождественностью, что и вызвало различные точки зрения, это нам не дает права на объединение этих групп. Для разграничения этих местоимений достаточно посмотреть, к какой части речи примыкает это местоимение – к глаголу или имени. Если местоимение находится с глаголом, то оно личное (*мах зарæм* – мы поем), если же оно находится с именем – притяжательное (*мах зарæг у* – наша песня).

Литература

Абаев 1970 – В.И. Абаев, Краткий грамматический очерк осетинского языка: В книге «Осетинско-русский словарь», Орджоникидзе, 1970

Багаты 1965 – Багаты Н. Ирон æвзаджы грамматикæ, 1 хай, Цхинвал, 1965

Гæбæраты 1987 – Гæбæраты Н. Я., Ирон æвзаг, Ахуыргæнæн чиныг 5-6 къласстæн, Цхинвал, 1987

Грамматика осетинского языка 1963 – Грамматика осетинского языка, под редакцией проф. Г. С. Ахвледиани, т. I, Орджоникидзе, 1963, т. II, 1969

Медойты 2003 – Медойты Б. Г. Нырыккон ирон æвзаг мифологи, Цхинвал, 2003

N. B e r p i e v a (Tbilisi)

Personal and possessive pronouns in Ossetian language

S u m m a r y

Three forms of possessive pronouns are distinguished in the Ossetian language: Full, Short, Reflexive-possessive. It does not grant the right not to distinguish the personal pronouns as a separate group.

Correctly for possessive pronouns formally are not isolated from personal, coinciding with a genitive case of the last, there can be a question about advisability of their

allocation in a special category. If possessiveness was unique function of a genitive case pronoun, the branch of possessive pronouns from personal would be really a little justified. We should distinguish such personal and possessive pronouns from each other. If pronouns a **мах** зарём (we sing), **сымах** зарут (you sing), **уыдон** зырынц (they sing) are accompanied by a verb, thus they are personal pronouns (the full form), if they carry out a function of a predicative – **мах** зарёг (our song), **сымах** зарёг (your song), **уыдон** зарёг (their song) – they are possessive pronouns (the reflexive form).

At the same time it is necessary to limit personal and possessive pronouns in Ossetian. In spite of the fact that in a genitive case the personal and possessive pronouns have identical sound structure that causes the different point of views, it does not give the right of their association. To distinguish them from each other it is necessary to look at with what part of speech is this pronoun – with a verb or a noun.